

2-е издание.

ПОВЕСТЬ
Н. В. ГОГОЛЯ.

СПБ. ИЗДАТЕЛЬСТВО

Р. Штейна

Издание А. Ф. Маркса.

СПБ.

Цена 8 коп.

Салтыковъ, М. Е. (Н. Щедринъ). ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ въ 12 томахъ 8458 стран. in 8°, съ портретомъ автора, его факсимиле и видомъ могильнаго памятника. Цѣна 12 томамъ 18 р., съ перес. 21 р., въ перепл. 24 р., съ перес. 27 р. Цѣна каждому тому въ отдельной продажѣ (только безъ перепл.) 1 р. 75 к., съ перес. 2 руб.

Терпигоревъ, С. Н. (С. Атава). „СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ“, въ шести томахъ in 8°, съ критико-біографич. очеркомъ, составленнымъ П. В. Быковымъ, и съ портретомъ автора, исполненнымъ гелиографіей. Цѣна 9 р., съ пересылкою 10 руб., въ 6-ти красив. коленкор. перепл. 12 р., съ перес. 13 р. 25 к.

Случевскій, К. К. „СОЧИНЕНІЯ“, съ портретомъ и автографомъ автора, исполненнымъ гелиографіей. Изящное изданіе in 8° въ шести томахъ, изъ которыхъ первые 3 тома заключаютъ въ себѣ всѣ стихотворенія К. К. Случевского, а послѣдніе 3 тома—его беллетристическія произведенія. Цѣна 8 руб., съ пересылкой 8 р. 75 к.; въ перепл. 11 р., съ перес. 12 р.

Потапенко, И. Н. „СОБРАНІЕ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ и РАЗСКАЗОВЪ“, въ 12 изящно изданныхъ томахъ, отпечатанныхъ на хорошей бумагѣ, четкимъ шрифтомъ и содержащихъ 3948 страницъ въ 8-ю долю листа. Цѣна 12-ти томамъ — 12 р., съ перес. 14 р., въ 6-ти коленкор. перепл. — 15 р., съ перес. 17 р. Цѣна каждому тому (только безъ перепл.)—1 р., съ перес.—1 р. 25 к.

Лермонтовъ, М. Ю. ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ. Въ 2-хъ томахъ. 1262 стран. 8-ю д. л. Спб. 1901 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.; въ 2-хъ перепл. 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к. Цѣна роскошн. изданія на лучшей голландской слоновой бумагѣ, въ 4-хъ томахъ, 5 р., съ перес. 5 р. 75 к.; въ 4-хъ перепл. — 7 р., съ перес. 7 р. 75 коп.

Собраніе сочиненій русскихъ классиковъ: 1) А. С. ГРИБОѢДОВА, 2) А. И. ПОЛЕЖАЕВА, 3) Императрицы ЕКАТЕРИНЫ II, 4) И. И. КОЗЛОВА, 5) А. В. КОЛЬЦОВА, 6) М. В. ДОМОНОСОВА, 7) Д. И. ФОНВИЗИНА, — составленные по лучшимъ прежнимъ изданіямъ, тщательно провѣренныя по источникамъ, отчасти дополнены и изданныя подъ редакціею А. И. Введенскаго, съ біографіями и портретами авторовъ, гравирован. на стали Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ и Дейнтингеромъ въ Мюнхенѣ. Цѣна за одинъ экземпляръ каждаго изъ означенныхъ семи собраній сочиненій — 1 р., съ перес. 1 р. 30 к.; въ коленкор. перепл. — 1 р. 40 к., съ пересылкой 1 р. 80 к. Для любителей изящныхъ изданій сочиненія эти (за исключеніемъ соч. Кольцова) отпечатаны на лучшей голландской слоновой бумагѣ, — по цѣнѣ за экзempl.: 2 р. 50 к., съ перес. 3 р., а въ роскошн. коленкор. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Н. ГОГОЛЬ.

СТРАШНАЯ МЕСТЬ.

ПОВѢСТЬ.

НАРОДНОЕ ИЗДАНИЕ.

Съ 37 рисунками Р. ШТЕЙНА.

(Собственн. А. Ф. МАРКСА).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издание А. Ф. МАРКСА.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 іюля 1901 года.

Тип. А. Ф. МАРКСА, Измайл. пр., № 29.

СТРАШНАЯ МЕСТЬ.

I.

умить, гремитъ конецъ Кіева: есауль Горобецъ празднуетъ свадьбу своего сына. Наѣхало много людей къ есаулу въ гости. Въ старину любили хорошенько поѣсть, еще лучше любили поить, а еще лучше любили повеселиться. Пріѣхаль на гнѣдомъ конѣ своемъ и запорожець Микитка прямо съ разгульной попойки съ Перешляя-поля, гдѣ поиль онъ семь дней и семь ночей

королевскихъ шляхтичей краснымъ виномъ. Пріѣхалъ и названный братъ есаула, Данило Бурульбангъ, съ другого берега Днѣпра, гдѣ, промежь двумя горами, былъ его хуторъ, съ молодою женою Катериною и съ годовымъ сыномъ. Дивились гости бѣлому лицу пани Катерины, чернымъ, какъ нѣмецкій бархатъ, бровямъ, нарядной сукнѣ и исподницѣ изъ голубого полутабенеку, сапогамъ съ серебряными подковами; но еще больше дивились тому, что не пріѣхалъ вмѣстѣ съ нею старый отецъ. Всего только годъ жилъ онъ на Заднѣпровьи, а двадцать одинъ пропалъ безъ вѣсти и воротился къ дочкѣ своей, когда уже та вышла замужъ и родила сына. Онъ, вѣрно, много наразскалъ бы дивнаго. Да какъ и не разсказать, бывши такъ долго въ чужой землѣ! Тамъ все не такъ: и люди не тѣ, и церковей Христовыхъ нѣтъ... Но онъ не пріѣхалъ.

Гостямъ поднесли варенуху съ изюмомъ и сливами, и на немаломъ блюдѣ коровой. Музыканты принялись за исподку его, испеченную вмѣстѣ съ деньгами и, на время притихнувъ, положили возлѣ себя цимбалы, скрипки и бубны. Между тѣмъ молодицы и дѣвчата, утершись шитыми платками, выступали снова изъ рядовъ своихъ; а парубки, схватившись въ боки, гордо озираясь на стороны, готовы были понестись имъ навстрѣчу, — какъ старый есауль вынесъ двѣ иконы благословить молодыхъ. Тѣ иконы достались ему отъ честнаго схимника, старца Варооломея. Не богата на нихъ утварь, не горитъ ни серебро, ни золото, но никакая нечистая сила не посмѣетъ прикоснуться къ тому, у кого онѣ въ домѣ. Приподнявъ иконы вверхъ, есауль готовился сказать короткую молитву... какъ вдругъ закричали, перепугавшись, игравшія на землѣ дѣти, а вслѣдъ за ними попятился народъ, и всѣ показывали со страхомъ пальцами на стоявшаго посреди ихъ козака. Кто онъ таковъ, никто не зналъ. Но уже онъ протанцовалъ на славу

«Пропади, образъ сатаны! тутъ тебѣ нѣтъ мѣста...» (Стр. 6).

козачка и уже успѣлъ насмѣшить обступившую его толпу. Когда же есауль поднялъ иконы, вдругъ все лицо козака перемѣнилось: носъ выросъ и наклонился на сторону, вмѣсто карихъ запрыгали зеленныя очи, губы засинѣли, подбородокъ задрожалъ и заострился, какъ копье, изо рта выбѣжалъ клыкъ, изъ-за головы поднялся горбъ, и сталъ козакъ—старикъ.

«Это онъ! это онъ!» кричали въ толпѣ, тѣсно прижимаясь другъ къ другу.

«Колдунъ показался снова!» кричали матери, хватая за руки дѣтей своихъ.

Величаво и сановито выступилъ впередъ есауль и сказалъ громкимъ голосомъ, выставивъ противъ него иконы: «Пропади, образъ сатаны! тутъ тебѣ нѣтъ мѣста». И, зашипѣвъ и щелкнувъ, какъ волкъ, зубами, пропалъ чудный старикъ.

Пошли, пошли и зашумѣли, какъ море въ непогоду, толки и рѣчи между народомъ.

«Что это за колдунъ?» спрашивали молодые и небывалые люди.

«Бѣда будетъ!» говорили старые, качая головами. И вездѣ, по всему широкому подворью есаула, стали собираться въ кучки и слушать исторіи про чуднаго колдуна. Но всѣ почти говорили разное, и навѣрно никто не могъ рассказать про него.

На дворъ выкатили бочку меду и не мало поставили ведеръ грецкаго вина. Все повеселѣло снова. Музыканты грянули,—дѣвчата, молодицы, лихое козачество, въ яркихъ жупанахъ, понеслись. Десяностолѣтнее и столѣтнее старье, подгулявъ, пустилось и себѣ приплясывать, поминая не даромъ пропавшіе годы. Пировали до поздней ночи, и пировали такъ, какъ теперь уже не пируютъ. Стали гости расходиться, но мало побрело во-свояси: много осталось ночевать у есаула на широкомъ дворѣ; а еще больше козачества заснуло само, непрошенное,

подъ лавками, на полу, возлѣ коня, близъ хлѣва: гдѣ пошатнулась съ хмеля козацкая голова, тамъ и лежить и храпитъ на весь Кіевъ.

II.

иго свѣтитъ по всему міру: то мѣсяць показался изъ за горы. Будто дамасскою дорогою и бѣлою, какъ свѣтъ, кисеею покрылъ онъ гористый берегъ Днѣпра, и тѣнь ушла еще далѣе въ чащу сосенъ.

Посреди Днѣпра плыль дубъ.

Сидятъ впереди два хлопца: черныя козацкія шапки на-бекрень, и подъ веслами, какъ будто отъ огня огонь, летятъ брызги во всѣ стороны.

Отчего не поютъ козаки? Не говорятъ ни о томъ, какъ уже ходятъ по Украинѣ ксендзы и перекрещиваютъ козацкій народъ въ католиковъ, ни о томъ, какъ два дня билась при Соленомъ озерѣ орда? Какъ имъ пѣть, какъ говорить про лихія дѣла? Панъ ихъ Данило

призадумался, и рукавъ его кармазиннаго жупана опустился изъ дуба и черпаетъ воду; пани ихъ Катерина тихо колышетъ дитя и не сводитъ съ него очей, а на незастланную полотномъ нарядную сукню сѣрою пылью валится вода.

Любо глянуть съ середины Днѣпра на высокія горы, на широкіе луга, на зеленые лѣса! Горы тѣ — не горы: подошвы у нихъ нѣтъ, внизу ихъ, какъ и вверху, острая вершина, и подъ ними, и надъ ними высокое небо. Тѣ лѣса, что стоятъ на холмахъ, не лѣса: то волосы, поросшіе на косматой головѣ лѣснаго дѣда. Подъ нею въ водѣ моется борода, и подъ бородою, и надъ волосами высокое небо. Тѣ луга — не луга: то зеленый поясъ, перепоясавшій посерединѣ круглое небо; и въ верхней половинѣ, и въ нижней половинѣ прогуливается мѣсяць.

Не глядитъ панъ Данило по сторонамъ, глядитъ онъ на молодую жену свою. «Что, моя молодая жена, моя золотая Катерина, вдалася въ печаль?»

«Я не въ печаль вдалася, панъ мой Данило! Меня утрашили чудные рассказы про колдуна. Говорять, что онъ родился такимъ страшнымъ... и никто изъ дѣтей сызмала не хотѣлъ играть съ нимъ. Слушай, панъ Данило, какъ страшно говорятъ: что будто ему все чудилось, что всѣ смѣются надъ нимъ. Встрѣтится-ли подъ темный вечеръ съ какимъ-нибудь человѣкомъ, и ему тотчасъ покажется, что онъ открываетъ ротъ и скалитъ зубы. И на другой день находили мертвымъ того человѣка. Мнѣ чудно, мнѣ страшно было, когда я слушала эти рассказы», говорила Катерина, вынимая платокъ и вытирая имъ лицо спавшаго на рукахъ дитяти. На платкѣ были вышиты ею краснымъ шелкомъ листья и ягоды.

Панъ Данило ни слова, и сталъ поглядывать на темную сторону, гдѣ далеко, изъ-за лѣса, чернѣлъ земляной валъ, изъ-за вала подымался старый замокъ. Надъ бровями ра-

зомъ вырѣзались три морщины; лѣвая рука гладила молодецкіе усы. «Не такъ еще страшно, что колдунъ», говорилъ онъ: «какъ страшно тò, что онъ недобрый гость. Чтò ему за блажь пришла притащиться сюда? Я слышалъ, что хотятъ ляхи строить какую-то крѣпость, чтобы перерѣзать намъ дорогу къ запорожцамъ. Пусть это правда... Я размечу чертовское гнѣздо, если только пронесется слухъ, что у него какой-нибудь притонъ. Я сожгу стараго колдуна, такъ что и вòронамъ нечего будетъ расклевать. Однакожь, думаю, онъ не безъ золота и всякаго добра. Вотъ гдѣ живетъ этотъ дьяволъ! Если у него водится золото... Мы сейчасъ будемъ плыть мимо крестовъ—это кладбище! Тутъ гнѣютъ его нечистые дѣды. Говорятъ, они всѣ готовы были себя продать за денежку сатанѣ и съ душою, и съ ободранными жупанами. Если-жь у него точно есть золото, то мѣшкать нечего теперь: не всегда на войнѣ можно добыть»...

«Знаю, чтò затѣваешь ты: не предвѣщаетъ мнѣ ничего добраго встрѣча съ нимъ. Но ты такъ тяжело дышишь, такъ сурово глядишь, брови твои такъ угрюмо надвинулись на очи!»...

«Молчи, баба!» съ сердцемъ сказалъ Данило: «съ вами кто свяжется, самъ станетъ бабой. Хлопецъ, дай мнѣ огня въ люльку!» Тутъ оборотился онъ къ одному изъ гребцовъ, который, выколотивши изъ своей люльки горячую золу, сталъ перекладывать ее въ люльку своего пана. «Пугаетъ меня колдуномъ!» продолжалъ панъ Данило. «Козакъ, слава Богу, ни чертей, ни ксендзовъ не боится. Много было бы проку, если бы мы стали слушаться женъ. Не такъ-ли, хлопцы? Наша жена—люлька да острая сабля!»

Катерина замолчала, потупивши очи въ сонную воду; а вѣтеръ дергалъ воду рябью, и весь Днѣпръ серебрился, какъ волчья шерсть среди ночи.

Дубъ повернулъ и сталъ держаться лѣсистаго берега.

«Душно мнѣ! душно!» (Стр. 12).

На берегу видѣлось кладбище: ветхіе кресты толпились въ кучу. Ни калина не растеть межъ ними, ни трава не зеленѣеть, только мѣсяць грѣеть ихъ съ небесной вышины.

«Слышите-ли, хлопцы, крики? Кто-то зоветъ насъ на помощь!» сказалъ панъ Данило, оборотясь къ гребцамъ своимъ.

«Мы слышимъ крики, и, кажется, съ той стороны», разомъ сказали хлопцы, указывая на кладбище.

Но все стихло. Лодка поворотила, и стала огибать выдавшійся берегъ. Вдругъ гребцы опустили весла и недвижно уставили очи. Остановился и панъ Данило: страхъ и холодъ прорѣзался въ козацкія жилы.

Крестъ на могилѣ зашатался, и тихо поднялся изъ нея высохшій мертвецъ. Борода до пояса; на пальцахъ когти длинные, еще длиннѣе самихъ пальцевъ. Тихо поднялъ онъ руки вверхъ. Лицо все задрожало у него и покривилось. Страшную муку, видно, терпѣлъ онъ. «Душно мнѣ! душно!» простоналъ онъ дикимъ, нечеловѣчьимъ голосомъ. Голосъ его, будто ножъ, царапалъ сердце, и мертвецъ вдругъ ушелъ подъ землю. Зашатался другой крестъ, и опять вышелъ мертвецъ, еще страшнѣе, еще выше прежняго: весь заросъ; борода по колѣна, и еще длиннѣе костяные когти. Еще диче закричалъ онъ: «душно мнѣ!» и ушелъ подъ землю. Пошатнулся третій крестъ, поднялся третій мертвецъ. Казалось, однѣ только кости поднялись высоко надъ землею. Борода по самыя пяты; пальцы съ длинными когтями вонзились въ землю. Страшно протянулъ онъ руки вверхъ, какъ будто хотѣлъ достать мѣсяць, и закричалъ такъ, какъ будто кто-нибудь сталъ пилить его желтыя кости...

Дитя, спавшее на рукахъ у Катерины, вскрикнуло и пробудилось; сама пани вскрикнула; гребцы пороняли шапки въ Днѣпръ; самъ панъ вздрогнулъ.

Все вдругъ пропало, какъ будто не бывало; однакожь,

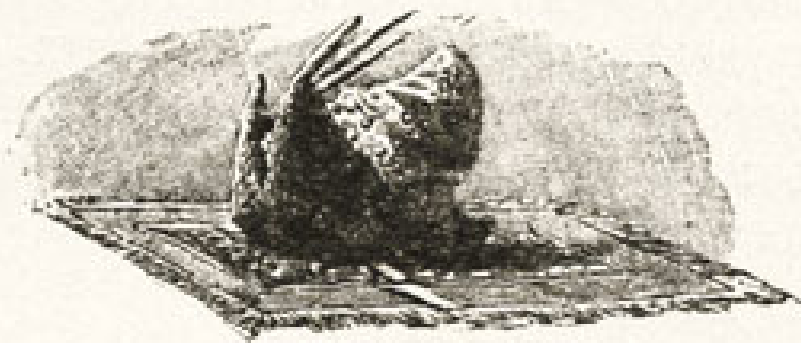
долго хлопцы не брались за весла. Заботливо поглядѣлъ Бурульбашъ на молодую жену, которая въ испугѣ качала на рукахъ кричавшее дитя, прижалъ ее къ сердцу и поцѣловалъ въ лобъ. «Не пугайся, Катерина! Гляди: ничего нѣтъ!» говорилъ онъ, указывая по сторонамъ. «Это колдунъ хочетъ устрашить людей, чтобы никто не добрался до нечистаго гнѣзда его. Бабъ только однѣхъ онъ напугаетъ этимъ! Дай сюда на руки мнѣ сына!»

При семь словъ поднялъ панъ Данило своего сына вверхъ и поднесъ къ губамъ: «Что, Иванъ, ты не боишься колдуновъ?—«Нѣтъ», говори: «тятя, я козакъ».— Полно же, перестань плакать! домой прїѣдемъ! Прїѣдемъ домой—мать накормитъ кашею, положитъ тебя спать въ люльку, запоетъ:

Люли, люли люли!
 Люли, сынку, люли!
 Да вырастай, вырастай въ забаву!
 Козачеству на славу,
 Вороженькамъ въ расправу!

«Слушай, Катерина: мнѣ кажется, что отецъ твой не хочетъ жить въ ладу съ нами. Прїѣхалъ угрюмый, суровый, какъ будто сердится... Ну, недоволенъ,—зачѣмъ и прїѣзжать? Не хотѣлъ выннть за козацкую волю! Не покачалъ на рукахъ дитяти! Сперва было я ему хотѣлъ повѣрить все, что лежитъ на сердце, да не беретъ что-то, и рѣчь заикнулась. Нѣтъ, у него не козацкое сердце! Козацкія сердца, когда встрѣтятся гдѣ, какъ не выбьются изъ груди другъ другу навстрѣчу! Что, мои любые хлопцы, скоро берегъ? Ну, шапки я вамъ дамъ новыя. Тебѣ, Стецько, дамъ выложенную бархатомъ съ золотомъ. Я ее снялъ вмѣстѣ съ головою у татарина; весь его снарядъ достался мнѣ; одну только его душу я выпустилъ на волю. Ну, причаливай! Вотъ, Иванъ, мы и прїѣхали, а ты все плачешь! Возьми его, Катерина.»

Всѣ вышли. Изъ-за горы показалась соломенная кровля: то дѣдовскіе хоромы пана Данила. За ними еще гора, а тамъ уже и поле, а тамъ хоть сто верстъ пройди, не сыщешь ни одного козака.

III.

уторъ пана Данила между двумя горами въ узкой долинь, сбѣгающей къ Днѣпру. Невысокіе у него хоромы; хата на видъ, какъ и у простыхъ козаковъ, и въ ней одна свѣтлица; но есть гдѣ помѣститься тамъ и ему, и женѣ его, и старой прислужницѣ, и десяти отборнымъ молодцамъ. Вокругъ стѣнъ вверху идутъ дубовыя полки. Густо на нихъ стоятъ миски, горшки для трапезы. Есть межъ ними и кубки серебряные, и чарки, оправленные въ золото, дарственные и добытыя на войнѣ. Ниже висятъ дорогіе мушкеты, сабли, пищали, копья; волею и неволею перешли они отъ татаръ, турокъ и ляховъ; не мало за то и вызубрены. Глядя на нихъ, панъ Данило какъ будто по значкамъ припоми-

наль свои схватки. Подъ стѣною, внизу, дубовыя, гладко вытесанныя лавки; возлѣ нихъ, передъ лежанкою, виситъ на веревкахъ, продѣтыхъ въ кольцо, привинченное къ потолку, люлька. Во всей свѣтлицѣ полъ гладко убитый и смазанный глиною. На лавкахъ спитъ съ женою панъ Данило, на лежанкѣ старая прислужница; въ люлкѣ тѣшится и убаюкивается малое дитя; на полу покотомъ ночуютъ молодцы. Но козаку лучше спать на гладкой землѣ при вольномъ небѣ; ему не пуховикъ и не перина нужна: онъ моститъ себѣ подъ голову свѣжее сѣно и вольно протягивается на травѣ. Ему весело, проснувшись среди ночи, взглянуть на высокое, засѣянное звѣздами небо и вздрогнуть отъ ночного холода, принесшаго свѣжесть козацкимъ косточкамъ; потягиваясь и бормоча сквозь сонъ, закуриваетъ онъ люльку и закутывается крѣпче въ теплый кожухъ.

Не рано проснулся Бурульбанъ послѣ вчерашняго веселья и, проснувшись, сѣлъ въ углу на лавкѣ, и началъ натачивать новую, вымѣнянную имъ, турецкую саблю; а пани Катерина принялась вышивать золотомъ шелковый ручникъ.

Вдругъ вошелъ Катерининъ отецъ, разсерженъ, на-мурень, съ заморскою люлькою въ зубахъ, приступилъ къ дочкѣ и сурово сталъ выспрашивать ее: что за причина тому, что такъ поздно воротилась она домой.

«Про эти дѣла, тесть, не ее, а меня спрашивать! Не жена, а мужъ отвѣчаетъ. У насъ уже такъ водится, не погнѣвайся!» говорилъ Данило, не оставляя своего дѣла: «можетъ, въ иныхъ невѣрныхъ земляхъ этого не бываетъ,—я не знаю».

Краска выступила на суровомъ лицѣ тестя, и очи дико блеснули. «Кому-жъ, какъ не отцу, смотрѣть за своею дочкой!» бормоталъ онъ про себя. «Ну, я тебя спрашиваю: гдѣ таскался до поздней ночи?»

«А вотъ это дѣло, дорогой тесть! На это я тебѣ

скажу, что я давно уже вышелъ изъ тѣхъ, которыхъ бабы пеленають. Знаю, какъ сидѣть на конѣ; умѣю держать въ рукахъ и саблю острую, еще кое-что умѣю... Умѣю никому и отвѣта не давать въ томъ, что дѣлаю».

«Я вижу, Данило, я знаю, ты желаешь ссоры! Кто скрывается, у того, вѣрно, на умѣ недоброе дѣло».

«Думаи себѣ, что хочешь», сказалъ Данило: «думаю и я себѣ. Славу Богу, ни въ одномъ еще безчестномъ дѣлѣ не былъ; всегда стоялъ за вѣру православную и отчизну, не такъ, какъ иные бродяги: таскаются, Богъ знаетъ, гдѣ, когда православные бьются на-смерть, а послѣ нагрянуть убирать не ими засѣянное жито. На униатовъ даже не похожи: не заглянуть въ Божию церковь. Такихъ бы нужно допросить порядкомъ, гдѣ они таскаются».

«Э, козакъ! знаешь-ли ты... Я плохо стрѣляю: всего за сто сажень пуля моя пронизываетъ сердце; я и рублюсь незавидно: отъ человѣка остаются куски мельче крупъ, изъ которыхъ варить кашу».

«Я готовъ», сказалъ панъ Данило, бойко перекрестивши воздухъ саблею, какъ будто зналъ, на что ее выточилъ.

«Данило!» закричала громко Катерина, ухвативши его за руку и повиснувъ на ней: «вспомни, безумный, погляди, на кого ты поднимаешь руку! Батько, твои волосы бѣлы, какъ снѣгъ, а ты разгорѣлся, какъ неразумный хлопецъ!»

«Жена!» крикнулъ грозно панъ Данило: «ты знаешь, я не люблю этого; вѣдай свое бабье дѣло!»

Сабли страшно звукнули; желѣзо рубило желѣзо, и искрами, будто пылью, обсыпали себя козаки. Съ плачемъ ушла Катерина въ особую свѣтлицу, кинулась въ постель и закрыла уши, чтобы не слышать сабельныхъ ударовъ. Но не такъ худо бились козаки, чтобы можно было заглушить ихъ удары. Сердце ея хотѣло разорваться

на части; по всему ея тѣлу, слышала она, какъ проходили звуки: тукъ, тукъ. «Нѣтъ, не вытерплю, не вытерплю... Можетъ, уже алая кровь бьетъ ключомъ изъ бѣлаго тѣла; можетъ, теперь изнемогаетъ мой милый, а я лежу здѣсь!» И вся блѣдная, едва переводя духъ, вошла въ хату.

Ровно и страшно бились козаки: ни тотъ, ни другой не одолеваетъ. Вотъ наступаетъ Катерининъ отецъ—подается панъ Данило; наступаетъ панъ Данило—подается суровый отецъ, и опять наравнѣ. Кипятъ. Размахнулись... ухъ! Сабли звенять... и, гремя, отлетѣли въ сторону клинки.

«Благодарю Тебя, Боже!» сказала Катерина и вскрикнула снова, когда увидѣла, что козаки взяли за мушкеты. Поправили кремни, взвели курки.

Выстрѣлилъ панъ Данило, — не попалъ. Нацѣлился отецъ... Онъ старъ, онъ видитъ не такъ зорко, какъ молодой, однакожь не дрожить его рука. Выстрѣлъ загремѣлъ... Пошатнулся панъ Данило; алая кровь выкрасила лѣвый рукавъ козацкаго жупана.

«Нѣтъ!» закричалъ онъ: «я не продамъ такъ дешево себя. Не лѣвая рука, а правая атаманъ. Виситъ у меня на стѣнѣ турецкій пистолеть: еще ни разу во всю жизнь не измѣнялъ онъ мнѣ. Слѣзай со стѣны, старый товарищъ! покажи другу услугу!» Данило протянулъ руку.

«Данило!» закричала въ отчаяніи, схвативши его за руки и бросившись ему въ ноги, Катерина: «не за себя молю. Мнѣ одинъ конецъ: та недостойная жена, которая живетъ послѣ своего мужа; Днѣпръ, холодный Днѣпръ будетъ мнѣ могилою... Но погляди на сына, Данило! погляди на сына! Кто пригрѣетъ бѣдное дитя? Кто приголубитъ его? Кто выучитъ его летать на ворономъ конѣ, биться за волю и вѣру, пить и гулять по-козацки? Пронадай, сынъ мой! пронадай! Тебя не хочетъ знать отецъ твой! Гляди, какъ онъ отворачиваетъ лицо свое.

Ровно и страшно бились козаки. (Стр. 18).

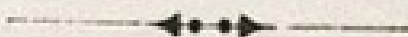
О, я теперь знаю тебя! Ты звѣрь, а не человѣкъ! У тебя волчье сердце, а дума лукавой гадины! Я думала, что у тебя капля жалости есть, что въ твоёмъ каменномъ тѣлѣ человѣчье чувство горитъ. Безумно же я обманулась. Тебѣ это радость принесетъ. Твои кости станутъ танцовать въ гробѣ съ веселья, когда услышать, какъ нечестивые звѣри ляхи кинутъ въ пламя твоего сына, когда сынъ твой будетъ кричать подъ ножами и окропомъ. О, я знаю тебя! Ты радъ бы изъ гроба встать и раздуть шапкою огонь, взвихрившійся подъ нимъ!»

«Постой, Катерина! Ступай, мой ненаглядный Иванъ, я поцѣлую тебя! Нѣтъ, дитя мое, никто не тронетъ волоска твоего. Ты вырастешь на славу отчизны; какъ вихорь, будешь ты летать передъ козаками, съ бархатною шапкою на головѣ, съ острою саблею въ рукѣ. Дай, отецъ, руку! Забудемъ бывшее между нами! Что сдѣлалъ передъ тобою неправого—винюсь. Что же ты не даешь руки?» говорилъ Данило отцу Катерины, который стоялъ на одномъ мѣстѣ, не выражая на лицѣ своемъ ни гнѣва, ни примиренія.

«Отецъ!» вскричала Катерина, обнявъ и поцѣловавъ его: «не будь неумолимъ, прости Данила: онъ не огорчитъ больше тебя!»

«Для тебя только, моя дочь, прощаю!» отвѣчалъ онъ, поцѣловавъ ее и блеснувъ странно очами.

Катерина немного вздрогнула: чуденъ показался ей и поцѣлуй, и странный блескъ очей. Она облокотилась на столъ, на которомъ перевязывалъ раненую свою руку панъ Данило, передумывая, что худо и не по-козацки сдѣлалъ онъ, прося прощенія, когда не былъ ни въ чемъ виноватъ.

IV.

леснулъ день, но не солнечный: небо хмурилось, и тонкій дождь съялся на поля, на лѣса, на широкій Днѣпръ. Проснулась пани Катерина, но не радостна: очи заплаканы, и вся она смутна и неспокойна. «Мужъ мой милый, мужъ дорогой! чудный мнѣ сонъ снился!»

«Какой сонъ, моя любая пани Катерина?»

«Снилось мнѣ, чудно, право, и такъ живо, будто наяву, снилось мнѣ, что отецъ мой есть тотъ самый уродъ, котораго мы видѣли у есаула. Но, прошу тебя, не вѣрь сну: какихъ глупостей не привидится! Будто я стояла передъ нимъ, дрожала вся, боялась, и отъ каждаго слова его стонали мои жилы. Если-бъ ты слышала, что онъ говорилъ...»

«Что же онъ говорилъ, моя золотая Катерина?»

«Говорилъ: «Ты посмотри на меня, Катерина, я хорошъ! Люди напрасно говорятъ, что я дурень. Я буду тебѣ славнымъ мужемъ. Посмотри, какъ я поглядываю очами!»— Тутъ навелъ онъ на меня огненные очи, я вскрикнула и пробудилась».

«Да, сны много говорятъ правды. Однакожь, знаешь-ли ты, что за горою не такъ спокойно? Чуть-ли не ляхи стали выглядывать снова. Мнѣ Горобецъ прислалъ сказать, чтобы я не спалъ; напрасно только онъ заботится: я и безъ того не сплю. Хлопцы мои въ эту ночь срубили двѣнадцать засѣковъ. Посполитство будемъ угощать свиновыми сливами, а шляхтичи потанцуютъ и отъ ба-тоговъ».

«А отецъ знаетъ объ этомъ?»

«Сидитъ у меня на шеѣ твой отецъ! Я до сихъ поръ разгадать его не могу. Много, вѣрно, онъ грѣховъ надѣлалъ въ чужой землѣ. Что-жь, въ самомъ дѣлѣ, за причина: живетъ около мѣсяца, и хоть бы разъ развеселился, какъ добрый козакъ! Не захотѣлъ вынить меду! Слышишь, Катерина: не захотѣлъ меду вынить, который я вытрусилъ у брестовскихъ жидовъ. «Эй, хлопецъ!» крикнулъ панъ Данило: «бѣги, малый, въ погребъ, да принеси жидовскаго меду! Горѣлки даже не пьеть! Экая пропастъ! Мнѣ кажется, пани Катерина, что онъ и въ Господа Христа не вѣруетъ. А? какъ тебѣ кажется?»

«Богъ знаетъ, что говоришь ты, панъ Данило!»

«Чудно, пани!» продолжалъ Данило, принимая глиняную кружку отъ козака: «поганые католики даже падки до водки; одни только турки не пьютъ. Что, Стецько, много хлебнулъ меду въ подвалѣ?»

«Попробовалъ только, панъ!»

«Джесь, собачій сынъ! Вишь, какъ мухи напали на усы! Я по глазамъ вижу, что хватилъ съ полведра. Эхъ, казаки! Что за лихой народъ! Все отдать готовъ това-

рищу, а хмельное высушить самъ. Я, пани Катерина, что-то давно уже былъ пьянъ. А?»

«Вотъ давно! а въ прошедшій...»

«Не бойся, не бойся, больше кружки не выпью! А вотъ и турецкій игумень лѣзетъ въ дверь!» проговорилъ онъ сквозь зубы, увидя тестя, нагнувшагося, чтобъ войти въ дверь.

«А что-жъ это, моя дочь!» сказалъ отецъ, снимая съ головы шапку и поправляя поясъ, на которомъ висѣла сабля съ чудными камнями: «солнце уже высоко, а у тебя обѣдъ не готовъ».

«Готовъ обѣдъ, панъ отецъ, сейчасъ поставимъ! Вынимай горшокъ съ галушками!» сказала пани Катерина старой прислужницѣ, обтиравшей деревянную посуду. «Постой, лучше я сама выну», продолжала Катерина: «а ты позови хлопцевъ».

Всѣ сѣли на полу въ кружокъ: противъ покута панъ отецъ, по лѣвую руку панъ Данило, по правую руку пани Катерина и десять наивѣрнѣйшихъ молодцовъ, въ синихъ и желтыхъ жупанахъ.

«Не люблю я этихъ галушекъ!» сказалъ панъ отецъ, немного поѣвши и положивши ложку: «никакого вкуса нѣтъ!»

«Знаю, что тебѣ лучше жидовская лапша», подумалъ про себя Данило. «Отчего же, тесть», продолжалъ онъ вслухъ: «ты говоришь, что вкуса нѣтъ въ галушкахъ? Худо сдѣланы, что-ли? Моя Катерина такъ дѣлаетъ галушки, что и гетману рѣдко достается ѣсть такія. А брезгать имъ нечего: это христіанское кушанье! Всѣ святые люди и угодники Божіи ѣдали галушки».

Ни слова отецъ; замолчалъ и панъ Данило.

Подали жаренаго кабана съ капустою и сливами. «Я не люблю свинины!» сказалъ Катерининъ отецъ, выгребая ложкою капусту.

«Для чего же не любить свинины?» сказалъ Данило: «одни турки и жида не ѣдятъ свинины».

Еще суровѣе пахмурился отецъ.

Только одну лемешку съ молокомъ и фль старый отецъ и потянулъ, вмѣсто водки, изъ фляжки, бывшей у него за пазухой, какую-то черную воду.

Пообѣдавши, заснулъ Данило молодецкимъ сномъ и проснулся только около вечера. Съль и сталь писать листы въ козацкое войско; а пани Катерина начала качать ногою люльку, сидя на лежанкѣ. Сидитъ панъ Данило, глядитъ лѣвымъ глазомъ на писаніе, а правымъ въ окошко. А изъ окошка далеко блестятъ горы и Днѣпръ; за Днѣпромъ синѣютъ лѣса; мелькаетъ сверху прояснившееся ночное небо. Но не далекимъ небомъ и не синимъ лѣсомъ любитъ панъ Данило: глядитъ онъ на выдавшійся мысъ, на которомъ чернѣлъ старый замкъ. Ему почудилось, будто блеснуло въ замкѣ огнемъ узенькое окошко. Но все тихо; это, вѣрно, показалось ему. Слышно только, какъ глухо шумитъ внизу Днѣпръ, и съ трехъ сторонъ, одинъ за другимъ, отдаются удары мгновенно пробудившихся волнъ. Онъ не бунтуетъ; онъ, какъ старикъ, ворчитъ и ропщетъ; ему все не мило; все перемѣнилось около него; тихо враждуетъ онъ съ прибережными горами, лѣсами, лугами и несетъ на нихъ жалобу въ Черное море.

Вотъ по широкому Днѣпру зачернѣла лодка, и въ замкѣ снова какъ будто блеснуло что-то. Потихоньку свистнулъ Данило, и выбѣжалъ на свистъ вѣрный хлопецъ. «Бери, Стецько, съ собою скорѣе острую саблю да винтовку, да ступай за мною!»

«Ты идешь?» спросила пани Катерина.

«Иду, жена. Нужно осмѣтрѣть все мѣста, все-ли въ порядкѣ».

«Мнѣ, однакожь, страшно оставаться одной. Меня сонъ такъ и клонитъ; что, если мнѣ приснится то же самое? Я даже не увѣрена, точно-ли то сонъ бытъ,— такъ это происходило живо».

«Съ тобою старуха остается; а въ сѣняхъ и на дворѣ спать козаки!»

«Старуха спитъ уже, а козакамъ что-то не вѣрится. Слушай, панъ Данило: замкни меня въ комнату, а ключъ возьми съ собою. Мнѣ тогда не такъ будетъ страшно; а козаки пусть лягутъ передъ дверями».

«Пусть будетъ такъ!» сказалъ Данило, стирая пыль съ винтовки и насыпая на полку порохъ.

Всѣ сѣли на полу въ кружокъ. (Стр. 23).

Вѣрный Стецько уже стоялъ одѣтый во всей козацкой сбруѣ. Данило надѣлъ смушевую шапку, закрылъ окошко, задвинулъ засовами дверь, замкнулъ и, промежь спавшими своими козаками, вышелъ потихоньку изъ двора въ горы.

Небо почти все прочистилось. Свѣжій вѣтеръ чуть-чуть навѣвалъ съ Днѣпра. Если бы не слышно было издали стенанія чайки, то все бы казалось онѣмѣвшимъ.

Но вотъ почудился шорохъ... Бурульбашъ съ вѣрнымъ слугою тихо спрятался за терновникъ, прикрывавшій срубленный засѣкъ. Кто-то въ красномъ жупанѣ, съ двумя пистолетами, съ саблею при боку, спускался съ горы.— «Это тесть!» проговорилъ панъ Данило, разглядывая его изъ-за куста. «Зачѣмъ и куда ему итти въ эту пору? Стецько, не зѣвай, смотри въ оба глаза, куда возьметъ дорогу панъ отецъ». Человѣкъ въ красномъ жупанѣ сошелъ на самый берегъ и поверотилъ къ выдавшемуся мысу. «А! вотъ куда!» сказала панъ Данило. «Что, Стецько, вѣдь онъ какъ разъ потащился къ колдуну въ дупло?»

«Да, вѣрно, не въ другое мѣсто, панъ Данило! иначе мы бы видѣли его на другой сторонѣ; но онъ пропалъ около замка».

«Постой же, выльземъ, а потомъ поидемъ по слѣдамъ. Тутъ что-нибудь да кроется. Нѣтъ, Катерина, я говорилъ тебѣ, что отецъ твой недобрый человѣкъ; не такъ онъ и дѣлалъ все, какъ православный».

Уже мелькнули панъ Данило и его вѣрный хлопецъ на выдавшемся берегу. Вотъ уже ихъ и не видно; непробудный лѣсъ, окружавшій замокъ, спряталъ ихъ. Верхнее окошко тихо засвѣтилось; внизу стоятъ козакъ и думаютъ, какъ бы влѣзть имъ: ни воротъ, ни дверей не видно; со двора, вѣрно, есть ходъ; но какъ войти туда? Издали слышно, какъ гремятъ цѣпи и бѣгають собаки.

«Что я думаю долго?» сказала панъ Данило, увидя передъ окномъ высокій дубъ: «стой тутъ, малый! Я ползу на дубъ: съ него прямо можно глядѣть въ окошко».

Тутъ снялъ онъ съ себя поясъ, бросилъ внизъ саблю, чтобъ не звенѣла, и, ухватясь за вѣтви, поднялся вверхъ. Окошко все еще свѣтилось. Присѣвши на сукъ, возлѣ самага окна, уцѣпился онъ рукою за дерево и глядитъ: въ комнату и свѣчи нѣтъ, а свѣтитъ. По стѣнамъ чуд-

ные знаки; виситъ оружіе, но все странное: такого не носятъ ни турки, ни крымцы, ни ляхи, ни христіане, ни славный народъ шведскій. Подъ потолокомъ взадъ и впередъ мелькаютъ нетопыри, и тѣнь отъ нихъ мелькаетъ по стѣнамъ, по дверямъ, по помосту. Вотъ отворилась безъ скрипа дверь. Входитъ кто-то въ красномъ жупанѣ и прямо къ столу, накрытому бѣлою скатертью. «Это онъ, это тесть!» Панъ Данило опустился немного ниже и прижался крѣпче къ дереву.

Но тестю некогда глядѣть, смотритъ-ли кто въ окошко, или нѣтъ. Онъ пришелъ пасмурень, не въ духѣ, сдержнулъ со стола скатерть—и вдругъ по всей комнатѣ тихо разлился прозрачно-голубой свѣтъ; только не смѣшавшіяся волны прежняго блѣдно-золотого переливались, ныряли, словно въ голубомъ морѣ, и тянулись слоями, будто на мраморѣ. Тутъ поставилъ онъ на столъ горшокъ и началъ кидать въ него какія-то травы.

Панъ Данило сталъ вглядываться и не замѣтилъ уже на немъ краснаго жупана; вмѣсто того показались на немъ широкія шаровары, какія носятъ турки; за поясомъ пистолеты; на головѣ какая-то чудная шапка, писанная вся не русскою и не польскою грамотою. Глянулъ въ лицо—и лицо стало перемѣняться; носъ вытянулся и повиснулъ надъ губами; ротъ въ минуту раздался до ушей; зубъ выглянулъ изо рта, нагнулся на сторону, и сталъ передъ нимъ тотъ самый колдунъ, который показался на свадьбѣ у есаула. «Правдивъ сонъ твой, Катерина!» подумалъ Бурульбанъ.

Колдунъ сталъ прохаживаться вокругъ стола, знаки стали быстрѣе перемѣняться на стѣнѣ, а нетопыри залетали сильнѣе внизъ и вверхъ, взадъ и впередъ. Голубой свѣтъ становился рѣже, рѣже, и совсѣмъ какъ будто потухнулъ. И свѣтлица освѣтилась уже тонкимъ розовымъ свѣтомъ. Казалось, съ тихимъ звономъ разливался чудный свѣтъ по всѣмъ угламъ и вдругъ пропалъ, и

стала тьма. Слышался только шумъ, будто вѣтеръ въ тихій часъ вечера наигрываетъ, кружась по водному зеркалу, нагибая еще ниже въ воду серебряныя пвы. И чудится пану Данилѣ, что въ свѣтлицѣ блещитъ мѣсяцъ, ходятъ звѣзды, неясно мелькаетъ темно-синее небо и холодъ ночного воздуха пахнулъ даже ему въ лицо. И чудится пану Данилѣ (тутъ онъ сталъ щупать себя за усы, не спитъ-ли), что уже не небо въ свѣтлицѣ, а его собственная опочивальня: висятъ на стѣнѣ его татарскія и турецкія сабли; около стѣнъ полки, на полкахъ домашняя посуда и утварь; на столѣ хлѣбъ и соль; виситъ люлька... но вмѣсто образовъ выглядываютъ страшныя лица; на лежанкѣ... но сгустившійся туманъ покрылъ все, и стало опять темно. И опять съ чуднымъ звономъ освѣтилась вся свѣтлица розовымъ свѣтомъ, и опять стоитъ колдунъ неподвижно въ чудной чалмѣ своей. Звукъ стали сильнѣе и гуще, тонкій розовый свѣтъ становился ярче, и что-то бѣлое, какъ будто облако, вѣяло посреди хаты; и чудится пану Данилѣ, что облако то не облако, что то стоитъ женщина; только изъ чего она: изъ воздуха, что-ли, выткана? Отчего же она стоитъ, и земли не трогаетъ, и не опершись ни на что, и сквозь нее просвѣчиваетъ розовый свѣтъ и мелькаютъ на стѣнѣ знаки? Вотъ она какъ-то пошевелила прозрачною головою своею: тихо свѣтятся ея блѣдно-голубыя очи; волосы вьются и падаютъ по плечамъ ея, будто свѣтло-сѣрый туманъ; губы блѣдно алѣютъ, будто свозъ бѣло-прозрачное утреннее небо льется едва примѣтный алый свѣтъ зари; брови слабо темнѣютъ... Ахъ! это Катерина! Тутъ почувствовалъ Данило, что члены у него оковались; онъ силится говорить, но губы шевелились безъ звука.

Неподвижно стоялъ колдунъ на своемъ мѣстѣ. «Гдѣ ты была?» спросилъ онъ, и стоявшая передъ нимъ затрещала.

«О! зачѣмъ ты меня вызвалъ?» тихо простонала она.

«Гдѣ ты была?» (Стр. 28).

«Мнѣ было такъ радостно. Я была въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ родилась и прожила пятнадцать лѣтъ. О, какъ хорошо тамъ! Какъ зеленъ и душистъ тотъ лугъ, гдѣ я играла въ дѣтствѣ! И полевые цвѣточки тѣ же, и хата наша, и огородъ! О, какъ обняла меня добрая мать моя! Какая любовь у ней въ очахъ! Она приголубливала меня, цѣловала въ уста и щеки, расчесывала частымъ гребнемъ мою русую косу... Отецъ!» тутъ она вперила въ колдуна блѣдныя очи: «зачѣмъ ты зарѣзалъ мать мою?»

Грозно колдунъ погрозилъ пальцемъ. «Развѣ я тебя просилъ говорить про это?» И воздушная красавица задрожала.—«Гдѣ теперь пани твоя?»

«Пани моя, Катерина, теперь заснула, а я и обрадовалась тому, вспорхнула и полетѣла. Мнѣ давно хотѣлось увидѣть мать. Мнѣ вдругъ сдѣлалось пятнадцать лѣтъ; я вся стала легка, какъ птица. Зачѣмъ ты меня вызвалъ?»

«Ты помнишь все то, что я говорилъ тебѣ вчера?» спросилъ колдунъ такъ тихо, что едва можно было разслушать.

«Помню, помню; но чего бы не дала я, чтобы только забыть это. Бѣдная Катерина! она многого не знаетъ изъ того, что знаетъ душа ея».

«Это Катеринина душа», подумалъ панъ Данило; но все еще не смѣлъ пошевелиться.

«Покайся, отецъ! Не страшно-ли, что послѣ каждаго убійства твоего мертвецы поднимаются изъ могилъ?»

«Ты опять за старое!» грозно прервалъ колдунъ. «Я поставлю на своемъ, я заставлю тебя сдѣлать, что мнѣ хочется. Катерина полюбитъ меня!..»

«О, ты чудовище, а не отецъ мой!» простионала она. «Нѣтъ, не будетъ по-твоему! Правда, ты взялъ нечистыми чарами твоими власть вызывать душу и мучить ее; но одинъ только Богъ можетъ заставлятъ ее дѣлать

то, что Ему угодно. Нѣтъ, никогда Катерина, доколь я буду держаться въ ея тѣлѣ, не рѣшится на богопротивное дѣло. Отецъ! близокъ страшный судъ! Если бы ты и не отецъ мой былъ, и тогда бы не заставилъ меня измѣнить моему любому, вѣрному мужу. Если бы мужъ мой и не былъ мнѣ вѣренъ и милъ, и тогда бы не измѣнила ему, потому что Богъ не любитъ клятвопреступныхъ и невѣрныхъ душъ».

Тутъ вперила она блѣдныя очи свои въ окошко, подь которымъ сидѣлъ панъ Данило, и неподвижно остановилась...

«Куда ты глядишь? Кого ты тамъ видишь?» закричалъ колдунъ.

Воздушная Катерина задрожала. Но уже панъ Данило былъ давно на землѣ и пробирался съ своимъ вѣрнымъ Стецькомъ въ свои горы. «Страшно, страшно!» говорилъ онъ про себя, почувствовавъ какую-то робость въ козацкомъ сердцѣ, и скоро прошелъ дворъ свой, на которомъ такъ же крѣпко спали козаки, кромѣ одного, сидѣвшаго на-сторожѣ и курившаго люльку.

Небо все было засѣяно звѣздами.

—V.

«Какъ хорошо ты сдѣлалъ, что разбудилъ меня!» говорила Катерина, протирая очи шитымъ рукавомъ своей сорочки и разглядывая съ ногъ до головы стоявшаго передъ нею мужа. «Какой страшный сонъ мнѣ видѣлся! Какъ тяжело дышала

грудь моя! Ухъ!.. Мнѣ казалось, что я умираю...»

«Какой же сонъ? ужь не этотъ-ли?» И стала Буруль-оашъ рассказывать женѣ своей все, имъ видѣнное.

«Ты какъ это узналъ, мой мужъ?» спросила, изумившись, Катерина. «Но нѣтъ, многое мнѣ неизвѣстно изъ того, что ты рассказываешь. Нѣтъ, мнѣ не снилось, чтобы отецъ убилъ мать мою; ни мертвецовъ, ничего не видѣлось мнѣ. Нѣтъ, Данило, ты не такъ рассказываешь. Ахъ, какъ страшенъ отецъ мой!»

«И не диво, что тебѣ многое не видѣлось. Ты не знаешь и десятой доли того, что знаетъ душа. Знаешь-ли, что отецъ твой антихристъ? Еще въ прошломъ году, когда собирался я вмѣстѣ съ ляхами на крымцевъ (тогда еще я держалъ руку этого невѣрнаго народа), мнѣ говорилъ игумень Братскаго монастыря (онъ, жена, святой человѣкъ), что антихристъ имѣетъ власть вызывать душу каждаго человѣка; а душа гуляетъ по своей волѣ, когда заснетъ онъ, и летаетъ вмѣстѣ съ архангелами около Божіей свѣтлицы. Мнѣ съ перваго раза не показалось лицо твоего отца. Если бы я зналъ, что у тебя такой отецъ, я бы не женился на тебѣ; я бы кинулъ тебя и не принялъ бы на душу грѣха, породнившись съ антихристовымъ племенемъ».

«Данило!» сказала Катерина, закрывъ лицо руками и рыдая: «я-ли виновна въ чемъ передъ тобою? Я-ли измѣнила тебѣ, мой любый мужъ? Чѣмъ же навела на себя гнѣвъ твой? Невѣрно развѣ служила тебѣ? Сказала-ли противное слово, когда ты ворочался навеселѣ съ молодецкой пирушки? Тебѣ-ли не родила черноброваго сына?..»

«Не плачь, Катерина; я тебя теперь знаю и не брошу ни за что. Грѣхи всѣ лежатъ на отцѣ твоємъ».

«Нѣтъ, не называй его отцомъ моимъ! Онъ не отецъ мнѣ. Богъ свидѣтель, я отрекаюсь отъ него, отрекаюсь отъ отца! Онъ антихристъ, богоотступникъ! Пропадай онъ, тони онъ—не подамъ руки спасти его; сохни онъ отъ тайной травы—не подамъ воды напиться ему. Ты у меня отецъ мой!»

VI.

ь глубокомъ подвалѣ у нана Данила, за тремя замками, сидитъ колдунъ, закованный въ желѣзныя цѣпи; а подалѣ надъ Днѣпромъ горитъ бѣсовскій его замокъ, и алья, какъ кровь, волны хлебещуть и толнятся вокругъ старинныхъ стѣнъ. Не за колдовство и не за богопротивныя дѣла сидитъ въ глубокомъ подвалѣ колдунъ: имъ судія Богъ; сидитъ онъ за тайное предательство, за сговоры съ врагами православной Рус-

ской земли—продать католикамъ украинскій народъ и выжечь христіанскія церкви. Угрюмъ колдунъ; дума черная, какъ ночь, у него въ головѣ; всего только одинъ день остается жить ему, а завтра пора распрощаться съ міромъ: завтра ждетъ его казнь. Не совсѣмъ легкая казнь его ждетъ: это еще милость, когда сварятъ его живого въ котлѣ, или сдерутъ съ него грѣшную кожу. Угрюмъ кол-

дунъ, поникнулъ головою. Можетъ-быть, онъ уже и кастся передъ смертнымъ часомъ; только не такіе грѣхи его, чтобы Богъ простилъ ему. Вверху передъ нимъ узкое окно, переплетенное желѣзными палками. Гремя цѣпами, поднялся онъ къ окну поглядѣть, не пройдетъ-ли его дочь. Она кротка, не памятезлюбна, какъ голубка: не умилосердится-ли надъ отцомъ?.. Но никого нѣтъ. Внизу бѣжить дорога; по ней никто не пройдетъ. Повиже ея гуляетъ Днѣпръ; ему ни до кого нѣтъ дѣла: онъ бушуетъ, и унывно слышать колоднику однозвучный шумъ его.

Вотъ кто-то показался по дорогѣ—это козакъ! И тяжело вздохнулъ узникъ. Опять все пусто. Вотъ кто-то вдали спускается... разбѣвается зеленый кунтушь... горитъ на головѣ золотой корабликъ... Это она! Еще ближе прикинулъ онъ къ окну. Вотъ уже подходитъ близко...

«Катерина! дочь! умилосердись, подай милостыню!..»

Она нѣма, она не хочетъ слушать, она и глазъ не наведетъ на тюрьму, и уже прошла, уже и скрылась. Пусто во всемъ мірѣ; унывно шумитъ Днѣпръ; грусть залегаетъ въ сердце; но вѣдаетъ-ли эту грусть колдунъ?

День клонится къ вечеру. Уже солнце сѣло; уже и нѣтъ его. Уже и вечеръ: свѣжо; гдѣ-то мычитъ волъ; откуда-то навѣваются звуки; вѣрно, гдѣ-нибудь народъ идетъ съ работы и веселится; по Днѣпру мелькаетъ лодка... кому нужда до колодника? Блеснулъ на небѣ серебряный серпъ; вотъ, кто-то идетъ съ противной стороны по дорогѣ; трудно разглядѣть въ темнотѣ; это возвращается Катерина.

«Дочь, Христа ради! и свирѣлые волченята не стануть рвать свою мать,—дочь, хотя взгляни на преступнаго отца своего!»

Она не слушаетъ и идетъ.

«Дочь, ради несчастной матери!..»

Она остановилась.

«Приди принять послѣднее мое слово!»

«Зачѣмъ ты зовешь меня, богоотступникъ? Не называй меня дочерью! Между нами нѣтъ никакого родства. Чего ты хочешь отъ меня ради несчастной моей матери?»

Гремя цѣпями, поднялся онъ къ окну. (Стр. 35).

«Катерина! мнѣ близокъ конецъ; я знаю, меня твой мужъ хочетъ привязать къ кобыльему хвосту и пустить по полю, а, можетъ, еще и страшнѣйшую выдумаетъ казнь...»

«Да развѣ есть на свѣтѣ казнь, равная твоимъ грѣхамъ? Жди ее; никто не станетъ просить за тебя».

«Катерина! меня не казнь страшить, но муки на томъ свѣтѣ... Ты невинна, Катерина: душа твоя будетъ летать въ раю около Бога; а душа богоотступнаго отца твоего будетъ горѣть въ огнѣ вѣчномъ, и никогда не угаснетъ тотъ огонь: все сильнѣе и сильнѣе будетъ онъ разгораться; ни капля росы никто не уронитъ, ни вѣтеръ не пахнетъ»...

«Этой казни я не властна умалить», сказала Катерина, отвернувшись.

«Катерина! стой на одно слово: ты можешь спасти мою душу. Ты не знаешь еще, какъ добръ и милосердъ Богъ. Слышала-ли ты про апостола Павла, какой былъ онъ грѣшный человекъ, но послѣ покаялся — и сталъ святымъ».

«Что я могу сдѣлать, чтобы спасти твою душу?» сказала Катерина. «Мнѣ-ли, слабой женщинѣ, объ этомъ подумать?»

«Если бы мнѣ удалось отсюда выйти, я бы все кинулъ. Покаюсь: пойду въ пещеры; надѣну на тѣло жѣсткую власяницу, день и ночь буду молиться Богу. Не только скоромнаго, не возьму рыбы въ ротъ! Не постелю одежды, когда стану спать! И все буду молиться, все молиться! И когда не сниметъ съ меня милосердіе Божіе хотя со-той доли грѣховъ, закопаюсь по шею въ землю или замуруюсь въ каменную стѣну; не возьму ни пищи, ни питія, и умру; а все добро свое отдамъ чернецамъ, чтобы сорокъ дней и сорокъ ночей правили по мнѣ панихиду».

Задумалась Катерина. «Хотя я отиру, но мнѣ не расковать твоихъ цѣпей».

«Я не боюсь цѣпей», говорилъ онъ: «ты говоришь, что они заковали мои руки и ноги? Нѣтъ; я напустилъ имъ въ глаза туманъ, и вмѣсто руки протянулъ сухое

Она безъ чувствъ упала на землю. (Стр. 39).

дерево. Вотъ я, гляди: на мнѣ нѣтъ теперь ни одной цѣпи!» сказалъ онъ, выходя на середину. «Я бы и стѣны этихъ не побоялся и прошелъ бы сквозь нихъ; но мужъ твой и не знаетъ, какія это стѣны: ихъ строилъ святой схимникъ, и никакая нечистая сила не можетъ отсюда вывести колодника, не отомкнувъ тѣмъ самымъ ключомъ, которымъ замыкалъ святой свою келью. Такую самую келью вырочю и я себѣ, неслыханный грѣшникъ, когда выйду на волю».

«Слушай: я выпущу тебя; но если ты меня обманываешь?» сказала Катерина, остановившись передъ дверью: «и вмѣсто того, чтобы покаяться, станешь опять братомъ чорту?»

«Нѣтъ, Катерина, мнѣ уже не долго остается жить: близокъ и безъ казни мой конецъ. Неужели ты думаешь, что я предамъ самъ себя на вѣчную муку?»

Замки загремѣли. «Прощай! Храни тебя Богъ Милосердый, дитя мое!» сказалъ колдунъ, поцѣловавъ ее.

«Не прикасайся ко мнѣ, неслыханный грѣшникъ; уходи скорѣе!..» говорила Катерина.

Но его уже не было.

«Я выпустила его», сказала она, испугавшись и дико осматривая стѣны. «Что я стану теперь отвѣчать мужу? Я пронала. Мнѣ живой теперь остается зарыться въ могилу!» И, зарыдавъ, почти упала она на пень, на которомъ сидѣлъ колодникъ. «Но я снасла душу», сказала она тихо: «я сдѣлала богоугодное дѣло; но мужъ мой... я въ первый разъ обманула его. О, какъ страшно, какъ трудно будетъ мнѣ передъ нимъ говорить неправду! Кто-то идетъ! Это онъ! мужъ!» вскрикнула она отчаянно, и безъ чувствъ упала на землю.

VII.

то я, моя родная дочь! Это я, мое серденько!» услышала Катерина, очнувшись, и увидала передь собою старую прислужницу. Баба, наклонившись, казалось, что-то шептала и, протянувъ надъ нею изсохшую руку свою, опрыскивала ее холодною водою.

«Гдѣ я?» говорила Катерина, подымаясь и оглядываясь. «Передо мною шумить Днѣпръ, за мною горы... Куда завела меня ты, баба?»

«Я тебя не завела, а вывела; вынесла на рукахъ моихъ изъ душнаго подвала; замкнула ключикомъ дверь, чтобы тебѣ не досталось чего отъ пана Данила».

«Гдѣ же ключъ?» сказала Катерина, поглядывая на свой поясъ. «Я его не вижу».

«Его отвязаль мужъ твой, поглядѣть на колдуна, дитя мое».

«Погладѣть?.. Баба, я пропала!» вскрикнула Катерина.

«Пусть Богъ милуетъ насъ отъ этого, дитя мое! Молчи только, моя паняночка, никто ничего не узнаеть!»

«Онъ убѣжалъ, проклятый антихристъ! Ты слышала, Катерина: онъ убѣжалъ?» сказалъ панъ Данило, приступая къ женѣ своей. Очи метали огонь; сабля, звеня, тряслась при боку его. Помертвѣла жена.

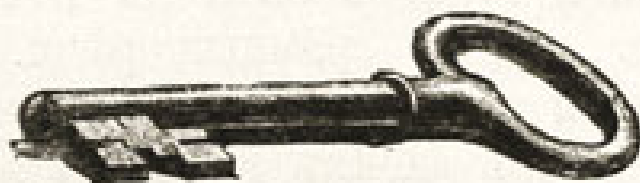
«Его выпустилъ кто-нибудь, мой любимый мужъ?» проговорила она, дрожа.

«Выпустилъ, правда твоя; но выпустилъ чортъ. Погляди: вмѣсто него, бревно заковано въ желѣзо. Сдѣлалъ же Богъ такъ, что чортъ не боится козачьихъ лапъ! Если бы только думу объ этомъ держалъ въ головѣ хоть одинъ изъ моихъ козаковъ, и я бы узналъ... я бы и казни ему не нашель!»

«А если бы я?..» невольно вымолвила Катерина и, испугавшись, остановилась.

«Если бы ты вздумала, тогда бы ты не жена мнѣ была. Я бы тебя зашилъ тогда въ мѣшокъ и утопилъ бы на самой серединѣ Днѣпра!..»

Духъ занялся у Катерины, и ей чудилось, что волосы стали отдѣляться на головѣ ея.

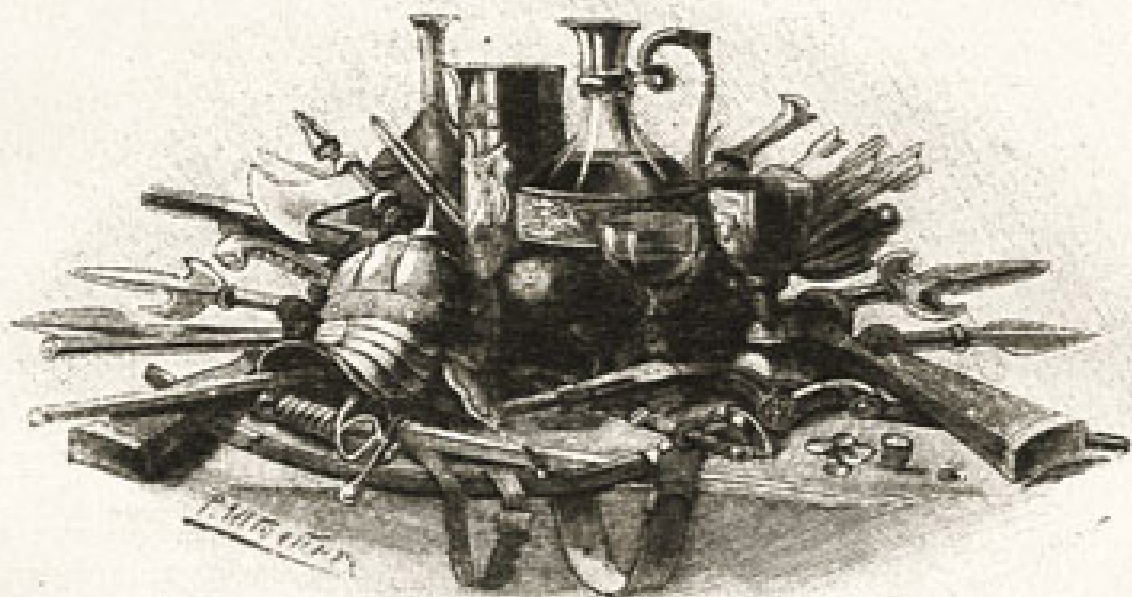

VIII.

а пограничной дорогѣ, въ корчмѣ, собрались ляхи и пируютъ уже два дня. Что-то не мало всей сволочи. Сошлись, вѣрно, на какой-нибудь наѣздъ: у иныхъ и мушкеты есть; чокаются шпоры; брякаютъ сабли. Пань веселятся и хвастаютъ, говорятъ про небывалыя дѣла свои, насмѣхаются надъ православьемъ, зовутъ народъ украинскій своими холоньями, и важно крутятъ усы, и важно, задравши головы, разваливаются на лавкахъ. Съ ними и ксендзь вмѣстѣ; только и ксендзь у нихъ на ихъ же стать: и съ виду даже не похожъ на христіанскаго попа: пьетъ и гуляетъ съ ними и говоритъ нечестивымъ языкомъ своимъ срамныя рѣчи. Ни въ чемъ не уступаетъ имъ и челядь: позакидали назадъ рукава оборванныхъ жупановъ своихъ и ходятъ козыремъ, какъ будто бы чтò путное. Играютъ въ карты, бьютъ картами одинъ другого по носамъ; набрали съ собою чужихъ женъ; крикъ, драка!.. Пань бѣснуются и отпускаютъ штуки: хватаютъ за бороду жида, малюютъ ему на нечестивомъ лбу крестъ; стрѣляютъ въ бабъ холо-

стыми зарядами и танцуютъ краковякъ съ нечестивымъ попомъ своимъ. Не бывало такого соблазна на Русской землѣ и отъ татаръ: видно, уже ей Богъ опредѣлилъ за грѣхи терпѣть такое посрамленіе! Слышно между общимъ содомомъ, что говорятъ про заднѣпровскій хуторъ пана Данила, про красавицу жену его... Не на доброе дѣло собралась эта шайка!

идить панъ Данило за столомъ въ своей свѣтлицѣ, подпершись локтемъ, и думаетъ. Сидитъ на лежанкѣ пани Катерина и поетъ пѣсню.

«Что-то грустно мнѣ, жена моя!» сказалъ панъ Данило.

«И голова болитъ у меня, и

сердце болитъ. Какъ-то тяжело мнѣ! Видно, гдѣ-то недалеко уже ходитъ смерть моя».

«О, мой ненаглядный мужъ! прикинни ко мнѣ головою своею! Зачѣмъ ты приглубливаешь къ себѣ такія черныя думы», подумала Катерина, да не посмѣла сказать. Горько ей было, повиной головѣ, принимать мужнія ласки.

«Слушай, жена моя!» сказалъ Данило: «не оставляй сына, когда меня не будетъ. Не будетъ тебѣ отъ Бога счастья, если ты кинешь его, ни въ томъ, ни въ этомъ

свѣтъ. Тяжело будетъ гнить моимъ костямъ въ сырой землѣ, а еще тяжелѣе будетъ душѣ моей!»

«Что говоришь ты, мужъ мой? Не ты-ли издѣвался надъ нами, слабыми женами? А теперь самъ говоришь, какъ слабая жена. Тебѣ еще долго нужно жить».

«Нѣтъ, Катерина, чувствуетъ душа близкую смерть. Что-то грустно становится на свѣтъ; времена лихія приходятъ. Охъ! помню, помню я годы; имъ, вѣрно, не воротиться! Онъ былъ еще живъ, честь и слава нашего войска, старый Конашевичъ! Какъ будто передъ очами моими проходятъ теперь козацкіе полки! Это было золотое время, Катерина! Старый гетманъ сидѣлъ на ворономъ конѣ; блестяла въ рукѣ булава; вокругъ сердюки; по сторонамъ шевелилось красное море запорожцевъ. Началь говорить гетманъ—и все стало, какъ вкопанное. Заплакалъ старичина, какъ зачалъ воспоминать намъ прежнія дѣла и сѣчи. Эхъ, если-бъ ты знала, Катерина, какъ рѣзались мы тогда съ турками! На головѣ моей виденъ и донынѣ рубецъ. Четыре пули пролетѣло въ четырехъ мѣстахъ сквозь меня, и ни одна изъ ранъ не зажила совсѣмъ. Сколько мы тогда набрали золота! Дорогие камни шапками черпали козаки. Какихъ коней, Катерина, если-бъ ты знала, какихъ коней мы тогда угнали! Охъ, не воевать уже мнѣ такъ! Кажется, и не старъ, и тѣломъ бодръ; а мечъ козацкій вываливается изъ рукъ, живу безъ дѣла, и самъ не знаю, для чего живу. Порядку нѣтъ въ Украинѣ: полковники и есаулы грызутся, какъ собаки, между собою: нѣтъ старшей головы надъ всѣми. Шляхетство наше все перемѣнило на польскій обычай, переняло лукавство... продало душу, принявши унию. Жидовство угнетаетъ бѣдный народъ. О, время, время! минувшее время! Куда подѣвались вы, лѣта мои? Ступай, малый, въ подвалъ, привеси мнѣ кухоль меду! Выпью за прежнюю долю и за давніе годы!»

«Чѣмъ будемъ принимать гостей, панъ? Съ луговой

стороны идутъ ляхи!» сказалъ, вошедши въ хату, Стецько.

«Знаю, зачѣмъ идутъ они», вымолвилъ Данило, подымаясь съ мѣста. «Сѣдлайте, мои вѣрные слуги, коней! Надѣвайте сбрую! Сабли наголо! Не забудьте набрать и свинцоваго толокна: съ честью нужно встрѣтить гостей!»

Но еще не успѣли козаки сѣсть на коней и зарядить мушкеты, а уже ляхи, будто упавшій осенью съ дерева на землю листъ, усѣяли собою гору.

«Э, да тутъ есть съ кѣмъ перевѣдаться!» сказалъ Данило, поглядывая на толстыхъ пановъ, важно качавшихся впереди на коняхъ въ золотой сбруѣ. «Видно еще разъ доведется намъ погулять на славу! Натѣшься же, козацкая душа, въ послѣдній разъ! Гуляйте, хлопцы: пришелъ нашъ праздникъ!»

И пошла по горамъ потѣха, и закировалъ пиръ: гуляютъ мечи, летаютъ пули, ржутъ и топчутъ кони. Отъ крику безумѣетъ голова; отъ дыму слѣпнуть очи. Все перемѣшалось; но козакъ чувствуетъ, гдѣ другъ, гдѣ недругъ; прошумитъ-ли пуля — валится лихой сѣдокъ съ коня; свистнетъ сабля — катится по землѣ голова, бормоча языкомъ несвязныя рѣчи.

Но виденъ въ толпѣ красный верхъ козацкой шапки пана Данила; мечется въ глаза золотой поясъ на синемъ жупанѣ; вихремъ вьется грива вороного коня. Какъ птица, мелькаетъ онъ тамъ и тамъ; покрикиваетъ и машетъ дамасской саблей и рубитъ съ праваго и лѣваго плеча. Руби, козакъ! гуляй, козакъ! Тѣшь молодецкое сердце; но не заглядывайся на золотые сбруи и жупаны: топчи подъ ноги золото и каменя! Коли, козакъ! гуляй, козакъ но оглянись назадъ: нечестивые ляхи закигаютъ, уже! хаты и угоняютъ напуганный скотъ. И, какъ вихорь, поворотилъ панъ Данило назадъ, и шапка съ краснымъ верхомъ мелькаетъ уже около хатъ, и рѣдетъ вокругъ его толпа.

Не часъ, не другой бьются ляхи и козаки; немного

становится тѣхъ и другихъ; но не устаетъ панъ Данило: сбиваетъ съ сѣдла длиннымъ копьемъ своимъ, топчетъ лихимъ конемъ пѣшихъ. Уже очищается дворъ, уже начали разбѣгаться ляхи; уже обдираютъ козаки съ убитыхъ золотые жупаны и богатую сбрую; уже панъ Данило собирается въ погоню, и взглянулъ, чтобы созвать своихъ... и весь закипѣлъ отъ ярости: ему показался Катерининъ отецъ. Вотъ онъ стоитъ на горѣ и цѣлитъ въ

Не часъ, не другой бьются ляхи и козаки... (Стр. 46).

него мушкетомъ. Данило погналъ коня прямо къ нему... Козакъ, на гибель идешь!.. Мушкетъ гремитъ—и колдунъ пропалъ за горою. Только вѣрный Стецько видѣлъ, какъ мелькнула красная одежда и чудная шапка. Зашатался козакъ и свалился на землю. Кинулся вѣрный Стецько къ своему пану: лежитъ панъ его, протянувшись на землѣ и закрывши ясныя очи; алая кровь закипѣла на груди. Но, видно, почувалъ вѣрнаго слугу своего; тихо

приподнял вѣки, блеснулъ очами: «Прощай, Стецько! Скажи Катеринѣ, чтобы не покидала сына! Не покидайте и вы его, мои вѣрные слуги!» и затихъ. Вылетѣла козацкая душа изъ дворянскаго тѣла: посинѣли уста; спить козакъ непробудно.

Зарыдалъ вѣрный слуга и машеть рукою Катеринѣ: «Ступай, панн, ступай: подгулялъ твой панъ; лежитъ онъ пьянѣхонекъ на сырой землѣ; долго не протрезвится ему!»

Всплеснула руками Катерина и повалилась, какъ

«Мужъ мой! ты-ли лежишь тутъ, закрывши очи?» (Стр. 48).

снопъ, на мертвое тѣло. «Мужъ мой! ты-ли лежишь тутъ, закрывши очи? Встань, мой ненаглядный соколъ, протяни ручку свою! приподымись! Погляди хоть разъ на твою Катерину, пошевели устами, вымолви хоть одно словечко!.. Но ты молчишь, ты молчишь, мой ясный панъ! Ты посинѣлъ, какъ Черное море. Сердце твое не бьется! От-

чего ты такой холодный, мой панъ? Видно, не горючи мои слезы, не въ мочь имъ согрѣть тебя! Видно, не громокъ плачь мой, не разбудить имъ тебя! Кто же поведетъ теперь полки твои? Кто понесется на твоёмъ ворономъ коникѣ, громко загукаетъ и замашетъ саблей предъ козаками? Козаки, козаки! гдѣ честь и слава ваша? Лежить честь и слава ваша, закрывши очи, на сырой землѣ. Похороните же меня, похороните вмѣстѣ съ нимъ! Засыпьте мнѣ очи землею! Надавите мнѣ кленовыя доски на бѣлыя груди! Мнѣ не нужна больше красота моя!»

Плачетъ и убивается Катерина; а даль вся покрывается пылью: скачетъ старый есаулъ Горобецъ на помощь.

удевъ Днѣпръ при тихой погодѣ, когда вольно и плавно мчитъ сквозь лѣса и горы полныя воды свои. Ни зашелхнеть, ни прогремить. Глядишь и не знаешь, идетъ или не идетъ его

величавая ширина; и чудится, будто весь вылить онъ изъ стекла, и будто голубая зеркальная дорога, безъ мѣры въ ширину, безъ конца въ длину, рѣетъ и вьется по зеленому міру. Любо тогда и жаркому солнцу оглядѣться съ вышины и погрузить лучи въ холодъ стек-

лянныхъ водъ, и прибережамъ лѣсамъ ярко отсвѣтиться въ водахъ. Зеленокудрые! они толпятся вмѣстѣ съ полевыми цвѣтами къ водамъ и, наклонившись, глядятъ въ нихъ и не наглядятся, и не налюбуются свѣт-

лымъ своимъ зракомъ, и усмѣхаются ему, и привѣтствуютъ его, кивая вѣтвями. Въ середину же Днѣпра они не смѣютъ глянуть: никто, кромѣ солнца и голубого неба, не глядитъ въ него; рѣдкая птица долетитъ до середины Днѣпра. Пышный! ему нѣтъ равной рѣки въ мѣръ. Чуденъ Днѣпръ и при теплой лѣтней ночи, когда все засыпаетъ: и человѣкъ, и звѣрь, и птица, а Богъ одинъ величаво озираетъ небо и землю и величаво сотрясаетъ ризу. Отъ ризы сыплются звѣзды; звѣзды горятъ и свѣтятъ надъ мѣромъ, и всѣ разомъ отдаются въ Днѣпръ. Всѣхъ ихъ держитъ Днѣпръ въ темномъ лонѣ своемъ; ни одна не убѣжитъ отъ него — развѣ погаснетъ на небѣ. Черный лѣсъ, униженный спящими воронами, и древле разломанныя горы, свѣсясь, слятся закрыть его хотя длинною тѣнью своею — напрасно! Нѣтъ ничего въ мѣрѣ, что бы могло прикрыть Днѣпръ. Синій, синій ходитъ онъ плавнымъ разливомъ и середь ночи, какъ середь дня; виденъ за столько вдаль, за сколько видѣть можетъ человѣчье око. Нѣжась и прижимаясь ближе къ берегамъ отъ ночного холода, даетъ онъ по себѣ серебряную струю, и она вспыхиваетъ, будто полоса дамасской сабли; а онъ, синій, снова заснулъ. Чуденъ и тогда Днѣпръ, и нѣтъ рѣки равной ему въ мѣрѣ! Когда же пойдутъ горами по небу синія тучи, черный лѣсъ шатается до корня, дубы трещать, и молнія, изламываясь между тучъ, разомъ освѣтитъ цѣлый мѣръ, — страшенъ тогда Днѣпръ! Водяные холмы гремятъ, ударяясь о горы, и съ блескомъ и стономъ отбѣгають назадъ, и плачутъ, и заливаются вдали. Такъ убивается старая мать козака, выпроважая своего сына въ войско; разгульный и бодрый, ѣдетъ онъ на ворономъ конѣ, подбочившись и молодецки заломивъ шапку; а она, рыдая, бѣжитъ за нимъ, хватаетъ его за стремя, ловитъ удила и ломаетъ надъ нимъ руки, и заливается горячими слезами.

Дико чернѣютъ промежь ратующими волнами обгорѣлые пни и камни на выдавшемся берегу. И бьется объ берегъ, подымаясь вверхъ и опускаясь внизъ, пристающая лодка. Кто изъ козаковъ осмѣлился гулять въ челнѣ, въ то время, когда разсердился старый Днѣпръ? Видно, ему не вѣдомо, что онъ глотаеть людей, какъ мухъ.

Лодка причалила и вышелъ изъ нея колдунъ. Не весель онъ: ему горька тризна, которую совершили козаки надъ убитымъ своимъ паномъ. Не мало заплатились ляхи: сорокъ четыре пана со всею сбруею и жупанами, да тридцать три холопа изрублены въ куски; а остальныхъ вмѣстѣ съ конями угнали въ плѣнъ продать татарамъ.

По каменнымъ ступенямъ спустился онъ между обгорѣлыми пнями, внизъ, гдѣ, глубоко въ землѣ, вырыта была у него землянка. Тихо вошелъ онъ, не скрипнувши дверью, поставилъ на столъ, закрытый скатертью, горшокъ и сталъ бросать длинными руками своими какія-то невѣдомыя травы; взялъ кухоль, выдѣланный изъ какого-то чуднаго дерева, почерпнулъ имъ воды и сталъ лить, шевеля губами и творя какія-то заклинанія. Показался розовый свѣтъ въ свѣтлицѣ, и страшно было глядѣть тогда ему въ лицо: оно казалось кровавымъ; глубокія морщины только чернѣли на немъ, а глаза были, какъ въ огнѣ. Нечестивый грѣшникъ! Уже и борода давно посѣдѣла, и лицо изрыто морщинами, и высохъ весь, а все еще творить богопротивный умыселъ. Посреди хаты стало вѣять бѣлое облако, и что-то похожее на радость сверкнуло въ лицѣ его; но отчего же вдругъ сталъ онъ недвижимъ, съ разинутымъ ртомъ, не смѣя пошевелиться, и отчего волосы щетиною поднялись на его головѣ? Въ облакѣ передъ нимъ свѣтилось чье-то чудное лицо. Не прошеное, незваное, явилось оно къ нему въ гости; чѣмъ далѣе, выяснивалось больше и вперило неподвижныя очи. Черты его, брови, глаза, губы, — все незнакомое

ему; никогда во всю жизнь свою онъ его не видывалъ. И страшнаго, кажется, въ немъ мало, а непреодолимый ужасъ напалъ на него. А незнакомая дивная голова сквозь облако также неподвижно глядѣла на него. Облако уже и пропало, а невѣдомыя черты еще рѣзче выказывались и острия очи не отрывались отъ него. Колдунъ весь побѣлѣлъ, какъ полотно; дикимъ, не своимъ голосомъ вскрикнулъ, опрокинулъ горшокъ.... Все пропало.

XI.

спокой себя, моя любимая сестра!» говорил старый есауль Горобецъ: «сны рѣдко говорятъ правду».

«Прилягъ, сестрица!» говорила молодая его невестка: «я позову старуху, ворожею: противъ нея никакая сила не устоитъ: она выльетъ переполохъ тебѣ».

«Ничего не бойся!» говорилъ сынъ его, хватаясь за саблю: «никто тебя не обидитъ».

Пасмурно, мутными глазами, глядѣла на всѣхъ Катерина и не находила рѣчи. «Я сама устроила себѣ гибель: я выпустила его!» Наконецъ, она сказала: «Мнѣ нѣтъ отъ него покоя! Вотъ уже десять дней я у васъ въ Кіевѣ, а горя ни капли не убавилось. Думала, буду хоть въ тишинѣ растить на мечь сына... Страшенъ, страшенъ привидѣлся онъ мнѣ во снѣ! Боже сохрани и вамъ увидѣть его! Сердце мое до сихъ поръ бьется». — «Я зарублю твое дитя, Катерина!» кричалъ онъ, «если

Всѣ обступили колыбель. (Стр. 56).

не выйдешь за меня замужъ...» И зарыдавъ, кинулась она къ колыбели; а испуганное дитя протянуло ручонки и кричало.

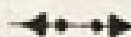
Кипѣль и сверкаль сынъ есаула отъ гнѣва, слыша такія рѣчи.

Расходился и самъ есауль Горобецъ: «Пусть попробуетъ онъ, окаянный антихристъ, притти сюда: отвѣдаетъ, бываетъ-ли сила въ рукахъ стараго козака. Богъ видитъ», говорилъ онъ, подымая кверху прозорливья очи: «не летѣлъ-ли я подать руку брату Данилу? Его святая воля! Засталъ уже на холодной постели, на которой много, много улеглось козацкаго народа. За то развѣ не пышна была гризна по немъ? Выпустили-ли хоть одного ляха живого? Успокойся же, дитя мое! Никто не посмѣетъ тебя обидѣть, развѣ ни меня не будетъ, ни моего сына».

Кончивъ слова свои, старый есауль пришелъ къ колыбели, и дитя, увидѣвши висѣвшую на ремнѣ у него, въ серебряной оправѣ, красную люльку и гаманъ съ блестящимъ огнивомъ, протянуло къ нему ручонки и засмѣялось. «По отцу поидеть!» сказалъ старый есауль, снимая съ себя люльку и отдавая ему: «еще отъ колыбели не отсталъ, а ужъ думаетъ курить люльку!»

Тихо вздохнула Катерина и стала качать колыбель. Сговорились провести ночь вмѣстѣ и, мало погодя, уснули всѣ; уснула и Катерина.

На дворѣ и въ хатѣ все было тихо; не спали только козаки, стоявшіе на-сторожѣ. Вдругъ Катерина, вскрикнувъ, проснулась, и за нею проснулись всѣ. «Онъ убитъ, онъ зарѣзанъ!» кричала она, и кинулась къ колыбели... Всѣ обступили колыбель и окаменѣли отъ страха, увидѣвши, что въ ней лежало неживое дитя. Ни звука не вымолвилъ ни одинъ изъ нихъ, не зная, что думать о неслыханномъ злодѣйствѣ.

XII.

алеко отъ Украинскаго края, проѣхавши Польшу, минуя и многолюдный городъ Лембергъ, идутъ рядами высоковерхія горы. Гора за горою, будто каменными цѣпями, перекидываютъ онѣ вправо и влево землю и обковываютъ ее каменною толщей, чтобы не прососало шумное и буйное море. Идутъ каменные цѣпи въ Валахію и въ Седмиградскую область, и громадою стали, въ видѣ подковы, между галич-

ною толщей, чтобы не прососало шумное и буйное море. Идутъ каменные цѣпи въ Валахію и въ Седмиградскую область, и громадою стали, въ видѣ подковы, между галич-

скимъ и венгерскимъ народомъ. Итъ такихъ горъ въ нашей сторонѣ. Глазь не смѣетъ оглянуть ихъ; а на вершину иныхъ не заходила и нога человѣчья. Чуденъ и видъ ихъ: не задорное-ли море выбѣжало въ бурю изъ широкихъ береговъ, вскинуло вихремъ безобразныя волны, и онѣ, окаменѣвъ, остались недвижимы въ воздухѣ? Не оборвались-ли съ неба тяжелыя тучи и загромоздили собою землю? ибо и на нихъ такой же сѣрый цвѣтъ, а бѣлая верхушка блеститъ и искрится при солнцѣ. Еще до Карпатскихъ горъ услышишь русскую молвь, и за горами еще, кой-гдѣ, отзовется какъ будто родное слово; а тамъ уже и вѣра не та, и рѣчь не та. Живетъ не малолюдный народъ венгерскій; ѣздитъ на коняхъ, рубится и пьетъ не хуже козака; а за конную сбрую и дорогіе кафтаны не скупится вынимать изъ кармана червонцы. Раздольны и велики есть между горами озера. Какъ стекло, недвижимы они и, какъ зеркало, отражаютъ въ себѣ голыя вершины горъ и зеленыя ихъ подошвы.

Но кто среди ночи, — блещутъ, или не блещутъ звѣзды, — ѣдетъ на огромномъ ворономъ конѣ? Какой богатырь съ нечеловѣчьимъ ростомъ скачетъ подъ горами, надъ озерами, отсвѣчивается съ исполинскимъ конемъ въ недвижныхъ водахъ, и безконечная тѣнь его страшно мелькаетъ по горамъ? Блещутъ чеканенныя латы; на плечѣ пика; гремитъ при сѣдлѣ сабля; шоломъ надвинуть; усы чернѣютъ; очи закрыты; рѣсницы опущены — онъ спитъ и, сонный, держитъ повода; и за нимъ сидитъ на томъ же конѣ младенецъ-пажъ, и также спитъ, и, сонный, держится за богатыря. Кто онъ, куда, зачѣмъ ѣдетъ? Кто его знаетъ. Не день, не два уже онъ перѣзжаетъ горы. Блеснетъ день, взойдетъ солнце, его не видно; изрѣдка только замѣчали горцы, что по горамъ мелькаетъ чья-то длинная тѣнь, а небо ясно, и тучи не пройдутъ по немъ. Чуть же ночь наведетъ темноту,

снова онъ виденъ и отдается въ озерахъ, и за нимъ, дрожа, скачетъ тѣнь его. Уже проѣхалъ много онъ горъ и взѣхалъ на Криванъ. Горы этой нѣтъ выше между Карпатами: какъ царь, подымается она надъ другими. Тутъ остановился конь и всадникъ, и еще глубже погрузился въ сонъ, и тучи, спустясь, закрыли его.

XIII.

с... тише, баба! не стучи такъ: диты мое заснуло. Долго кричалъ сынъ мой, теперь спить. Я пойду въ лѣсъ, баба! Да что же ты такъ глядишь на меня? Ты страшна: у тебя изъ глазъ вытягиваются желѣзные клещи... ухъ, какія длинныя! и горять, какъ огонь! Ты, вѣрно, вѣдьма! О, если ты вѣдьма, то пропади отсюда! Ты украдешь моего сына. Какой без-

толковый этотъ есауль: онъ думаетъ, мнѣ весело жить въ Кіевѣ; нѣтъ, здѣсь и мужъ мой, и сынъ, кто же будетъ смотрѣть за хатой? Я ушла такъ тихо, что ни кошка, ни собака не услышала. Ты хочешь, баба, сдѣлаться молодою? Это совсѣмъ не трудно: нужно

танцовать только. Гляди, какъ я танцую...» И, проговоривъ такія несвязныя рѣчи, уже неслась Катерина, безумно поглядывая на всѣ стороны и упираясь руками въ боки. Съ визгомъ притопывала она ногами; безъ мѣры, безъ такта звенѣли сарбріянныя подковы. Незаплетенныя черныя косы металась по бѣлой шеѣ. Какъ птица, не останавливаясь, летѣла она, размахивая руками и кивая головой, и, казалось, будто, обезсилѣвъ, или грянется на землю, или вылетитъ изъ міра.

Печально стояла старая няня и слезами налились ея глубокія морщины; тяжкій камень лежалъ на сердцѣ у вѣрныхъ хлопцевъ, глядѣвшихъ на свою пани. Уже совсемъ ослабѣла она и лѣниво топала ногами на одномъ мѣстѣ, думая, что танцуетъ горлицу. «А у меня монисто есть, парубки!» сказала она, наконецъ, остановившись: «а у васъ нѣтъ!.. Гдѣ мужъ мой?» вскричала она вдругъ, выхвативъ изъ-за пояса турецкій кинжалъ. «О! это не такой ножъ, какой нужно». При этомъ и слезы, и тоска показались у нея на лицѣ. «У отца моего далеко сердце: онъ не достанетъ до него. У него сердце изъ желѣза выковано; ему выковала одна вѣдьма на пекельномъ огнѣ. Что-жъ нейдетъ отецъ мой? Развѣ онъ не знаетъ, что пора заколотъ его? Видно, онъ хочетъ, чтобъ я сама пришла...» И, не докончивъ, чудно засмѣялась. «Мнѣ пришла на умъ забавная исторія: я вспомнила, какъ погребали моего мужа. Вѣдь его живого погребли... Какой смѣхъ забиралъ меня!.. Слушайте, слушайте!» И, вмѣсто словъ, начала она пѣть пѣсню:

Бижыть возокъ кровавенькій:
У тимъ возку козакъ лежить,
Пострѣляный, порубаный,
Въ правій ручци дротыкъ держить,
Съ того дроту кривця бижыть;
Бижыть рика кровавая.
Надъ ричкою яворъ стоять;
Надъ яворомъ воронъ криче.

За козакомъ маты плаче.
 Не плачь, маты, не журися!
 Бо вже твій сынъ оженився.
 Та взявъ жинку паняночку,
 Въ чистомъ поли земляночку,
 И безъ дверець, безъ оконець.
 Та вже писни вышовъ конець.
 Танцювала рыба зъ ракомъ...
 А хто мене не полюбить, трясця его матерь!

Такъ перемѣшивались у ней всѣ пѣсни. Уже день и два живетъ она въ своей хатѣ и не хочетъ слышать о Кіевѣ, и не молится, и бѣжитъ отъ людей, и съ утра до поздняго вечера бродитъ по темнымъ дубравамъ. Острые сучья царапаютъ бѣлое лицо и плечи; вѣтеръ треплетъ расплетенныя косы; осенніе листья шумятъ подъ ногами ея — ни на что не глядитъ она. Въ часъ, когда вечерняя заря тухнетъ, еще не являются звѣзды, не горитъ мѣсяцъ, а уже страшно ходить въ лѣсу: по деревьямъ царапаются и хватаются за сучья некрещенныя дѣти, рыдаютъ, хохочутъ, катятся клубомъ по дорогамъ и въ широкой крапивѣ; изъ днѣпровскихъ волнъ выбѣгаютъ вереницами погубившія свои души дѣвы; волосы льются съ зеленой головы на плечи; вода, звучно журча, бѣжитъ съ длинныхъ волосъ на землю, и дѣва свѣтится сквозь воду, какъ будто бы сквозь стеклянную рубашку; уста чудно усмѣхаются, щеки пылаютъ, очи выманиваютъ душу... она сгорѣла бы отъ любви, она зацѣловала бы... Бѣги, крещеный человекъ! Уста ея — ледь, постель — холодная вода; она защекочетъ тебя и утащитъ въ рѣку. Катерина не глядитъ ни на кого, не боится, безумная, русалокъ, бѣгаетъ поздно съ ножомъ своимъ и ищетъ отца.

Съ раннимъ утромъ пріѣхалъ какой-то гость, статный собою, въ красномъ жупанѣ, и освѣдомляется о панѣ Данилѣ; слышитъ все, утираетъ рукавомъ заплаканныя очи и пожимаетъ плечами. Онъ, де, воевалъ вмѣстѣ съ

покойнымъ Бурульбашемъ; вмѣстѣ рубились они съ крымцами и турками; ждалъ-ли онъ, чтобы такой конецъ былъ пана Данила. Рассказываетъ еще гость о многомъ другомъ и хочетъ видѣть пани Катерину.

По деревьямъ царапаются и хватаются за сучья некрещенныя дѣти.
(Стр. 62).

Катерина сначала не слѣшала ничего, что говорилъ гость; на послѣдокъ стала, какъ разумная, вслушиваться въ его рѣчи. Онъ повелъ про то, какъ они жили вмѣстѣ съ Даниломъ, будто братъ съ братомъ; какъ укрылись

разъ подъ греблею отъ крымцевъ... Катерина все слушала и не спускала съ него очей.

«Она отойдетъ!» думали хлопцы, глядя на нее. «Этотъ гость выльчить ее! Она уже слушаетъ, какъ разумная!»

Гость началъ рассказывать между тѣмъ, какъ панъ Данило, въ часъ откровенной бесѣды, сказалъ ему: «Гляди, братъ Копрянъ: когда волею Божіей не будетъ меня на свѣтъ, возьми къ себѣ жену, и пусть будетъ она твоею женою...»

Страшно вонзила въ него очи Катерина. «А!» вскрикнула она: «это онъ! это отецъ!» и кинулась на него съ ножомъ.

Долго боролся тотъ, стараясь вырвать у нея ножъ; наконецъ, вырвалъ, замахнулся,—и совершилось страшное дѣло: отецъ убилъ безумную дочь свою.

Изумившіеся козаки кинулись было на него; но колдунъ уже успѣлъ вскочить на коня и пропасть изъ виду.

XIV.

а Кіевомъ показалось неслыханное чудо. Всѣ наны и гетманы собирались дивиться этому чуду: вдругъ стало видимо далеко во всѣ концы свѣта. Вдали засинѣлъ Лиманъ, за Лиманомъ разливалось Черное море. Бывалые люди узнали и Крымъ, горою подымавшійся изъ моря, и болотный Сивашъ. По лѣвую руку видна была земля Галичская.

«А то что такое?» допрашивалъ собравшійся народъ старыхъ людей, указывая на далеко мерещившіеся на небѣ и больше похожіе на облака сѣрые и бѣлые верхи.

«То Карпатскія горы!» говорили старые люди: «между ними есть такія, съ которыхъ вѣкъ не сходитъ снѣгъ, а тучи пристають и ночуютъ тамъ».

Туть показалось новое диво: облака слетѣли съ самой высокой горы и на вершинѣ ея показался во всей рыцарской сбруѣ человекъ на конѣ съ закрытыми очами, и такъ виденъ, какъ бы стоялъ вблизи.

Туть, межъ дивившимся со страхомъ народомъ, одинъ

вскочилъ на коня и, дико озираясь по сторонамъ, какъ будто ища очами, не гонится-ли кто за нимъ, торопливо, во всю мочь, погналъ коня своего. То былъ колдунъ. Чего же такъ перепугался онъ? Со страхомъ вглядѣвшись въ чуждаго рыцаря, узналъ онъ на немъ то же самое лицо, которое, незванное, показалось ему, когда онъ ворожилъ. Самъ не могъ онъ разумѣть, отчего въ немъ все смутилось при такомъ видѣ, и, робко озираясь, мчался онъ на конѣ, покаместъ не застигнулъ его вечеръ и не проглянули звѣзды. Тутъ пороротилъ онъ домой, можетъ-быть, допросить нечистую силу, что значитъ такое диво. Уже онъ отѣлъ перескочить съ конемъ черезъ узкую рѣчку, выступившук рукавомъ среди дороги, какъ вдругъ конь на всемъ скаку остановился, заворотилъ къ нему морду, и—чудо—засмѣялся! бѣлые зубы страшно блеснули двумя рядами во мракѣ. Дыбомъ поднялись волоса на головѣ колдуна. Дико закричалъ онъ и заплакалъ, какъ изступленный, и погналъ коня прямо къ Кіеву. Ему чудилось, что все со всѣхъ сторонъ бѣжало ловить его: деревья, обступивши темнымъ лѣсомъ, и какъ будто живыя, кивая черными бородами и вытягивая длинныя вѣтви, силились задушить его; звѣзды, казалось, бѣжали впереди передъ нимъ, указывая всѣмъ на грѣшника; сама дорога, чудилось, мчалась по слѣдамъ его.

Отчаянный колдунъ летѣлъ въ Кіевъ къ святымъ мѣстамъ.

XV.

диноко сидѣлъ въ своей пещерѣ передъ лампадою схимникъ и не сводилъ очей съ святой книги. Уже много лѣтъ, какъ онъ затворился въ своей пещерѣ; уже сдѣлалъ себѣ

я дощатый гробъ, въ который ложился спать вмѣсто постели. Закрылъ святой старецъ свою книгу и сталъ молиться... Вдругъ вбѣжалъ человекъ чуднаго, страшнаго вида. Изумился святой схимникъ въ первый разъ и отступилъ, увидѣвъ такого человека. Весь дрожалъ онъ, какъ осенний листъ; очи дико косились;

страшный огонь-дугливо сыпался изъ очей; дрожь навредило на душу уродливое его лицо.

«Отецъ, молись! молись!» закричалъ онъ отчаянно: «молись о погибшей душѣ!» и грянулся на землю.

Святой схимникъ перекрестился, досталъ книгу, развернулъ и, въ ужасъ, отступилъ назадъ и выронилъ книгу: «Нѣтъ, неслыханный грѣшникъ! нѣтъ тебѣ помщованія! Бѣги отсюда! Не могу молиться о тебѣ!»

«Нѣтъ?» закричалъ, какъ безумный, грѣшникъ.

«Гляди: святые буквы в книге налились кровью...
 Еще никогда в мире не бывало такого грешника!»
 «Отец! ты смеешься надо мною!»

«Иди, окаянный грешник!» (Стр. 68).

«Иди, окаянный грешник. Не смеюсь я над тобою.
 Боязнь овладевает мною. Не добро быть человеку с
 тобою вместе!»

«Нѣтъ, нѣтъ! ты смеешься, не говори... Я вижу,

какъ раздвинулся ротъ твой: вотъ обѣлбуютъ рядами твои старые зубы!..»

И, какъ бѣшеный, кинулся онъ — и убилъ святого схимника.

Что-то тяжело застонало, и стонъ перенесся черезъ поле и лѣсъ. Изъ-за лѣса поднялись тощія, сухія руки съ длинными ногтями: затряслись и пропали.

И уже ни страха, ничего не чувствовалъ онъ. Все чудится ему какъ-то смутно: въ ухахъ шумить, въ головѣ шумить, какъ будто отъ хмеля, и все, что ни есть передъ глазами, покрывается какъ бы паутиною. Вскочивши на коня, поѣхалъ онъ прямо въ Каневъ, думая оттуда черезъ Черкасы направить путь къ татарамъ прямо въ Крымъ, самъ не зная, для чего. Ѣдетъ онъ уже день, другой, а Канева все нѣтъ. Дорога та самая, пора бы ему уже давно показаться; но Канева не видно. Вдали блеснули верхушки церквей: но это не Каневъ, а Шумскъ. Изумился колдунъ, видя, что онъ заѣхалъ совсѣмъ въ другую сторону. Погналъ коня назадъ къ Кіеву, и черезъ день показался городъ, но не Кіевъ, а Галичъ, городъ еще далѣе отъ Кіева, чѣмъ Шумскъ, и уже недалеко отъ венгровъ. Не зная, что дѣлать, повернулъ онъ коня снова назадъ; но чувствуетъ снова, что Ѣдетъ въ противную сторону и все впередъ. Не могъ бы ни одинъ человекъ въ свѣтѣ разсказать, что было на душѣ у колдуна; а если бы онъ заглянулъ и увидѣлъ, что тамъ дѣялось, то уже не досыпалъ бы онъ ночей и не засмѣялся бы ни разу. То была не злость, не страхъ и не лютая досада. Нѣтъ такого слова на свѣтѣ, которымъ бы можно было его назвать. Его жгло, пекло, ему хотѣлось бы весь свѣтъ вытоптать конемъ своимъ, взять всю землю отъ Кіева до Галича съ людьми, со всѣмъ, и затопить ее въ Черномъ морѣ. Но не отъ злобы хотѣлось ему это сдѣлать: нѣтъ, самъ онъ не зналъ, отъ чего. Весь вздрогнулъ онъ, когда уже пока-

зались близко передъ нимъ Карпатскія горы и высокій Криванъ, накрывшій свое темя, будто шапкою, сѣрою тучею; а конь все несся и уже рыскалъ по горамъ. Тучи разомъ очистились, и передъ нимъ показался въ страшномъ величїи всадникъ... Онъ силится остановиться, крѣпко натягиваетъ удила; дико ржалъ конь, подымая гриву, и мчался къ рыцарю. Тутъ чудится колдуну, что все въ немъ замерло, что недвижный всадникъ шевелится и разомъ открылъ свои очи, увидѣлъ несшагося къ нему колдуна и засмѣялся. Какъ громъ, разсыпался дикій смѣхъ по горамъ и зазвучалъ въ сердцѣ колдуна, потрясши все, что было внутри его. Ему чудилось, что будто кто-то сильный влѣзъ въ него и ходилъ внутри его и билъ молотами по сердцу, по жиламъ... такъ страшно отдался въ немъ этотъ смѣхъ!

Ухватилъ всадникъ страшною рукою колдуна и поднялъ его на воздухъ. Вмигъ умеръ колдунъ и открылъ послѣ смерти очи; но уже былъ мертвецъ и глядѣлъ, какъ мертвецъ. Такъ страшно не глядитъ ни живой, ни воскресшій. Ворочалъ онъ по сторонамъ мертвыми глазами, и увидѣлъ поднявшихся мертвецовъ отъ Кіева, и отъ земли Галичской, и отъ Карпата, какъ двѣ капли воды схожихъ лицомъ на него.

Блѣдны, блѣдны, одинъ другого выше, одинъ другого костистѣй, стали они вокругъ всадника, державшаго въ рукѣ страшную добычу. Еще разъ засмѣялся рыцарь, и кинулъ ее въ пропасть. И всѣ мертвецы вскочили въ пропасть, подхватили мертвеца и вонзили въ него свои зубы. Еще одинъ всѣхъ выше, всѣхъ страшнѣе, хотѣлъ подняться изъ земли, но не могъ, не въ силахъ былъ этого сдѣлать — такъ великъ выросъ онъ въ землѣ; а если бы поднялся, то опрокинулъ бы и Карпаты, и Седмиградскую и Турецкую землю. Немного только подвинулся онъ — и пошло отъ него трясеніе во всей землѣ, и много по-опрокидывалось вездѣ хать, и много задавило народу.

Ухватилъ всадникъ страшною рукою колдуна и поднялъ его на воздухъ. (Стр. 70).

Слышится часто по Карпату свистъ, какъ будто тысяча мельницъ шумитъ колесами на водѣ: то, въ безвыходной пропасти, которой не видалъ еще ни одинъ человекъ, страшнѣйшея проходить мимо, мертвецы грызутъ мертвеца. Нерѣдко бывало по всему міру, что земля тряслась отъ одного конца до другого: то оттого дѣлается, толкуютъ грамотные люди, что есть гдѣ-то, близъ моря, гора, изъ которой выхватывается пламя и текутъ горящія рѣки. Но старики, которые живутъ и въ Венгріи, и въ Галичской землѣ, лучше знаютъ это и говорятъ, что то хочетъ подняться выросшій въ землѣ великій, великій мертвецъ и трясеть землю.

XVI.

ъ городѣ Глуховѣ собрался народъ около старца - бандуриста, и уже съ часъ слушалъ, какъ слѣпецъ игралъ на бандурѣ. Еще такихъ чудныхъ пѣсенъ и такъ хорошо не пѣлъ ни одинъ бандуристъ. Сперва повелъ онъ про прежнюю гетьманщину за Сагайдачнаго и Хмельницкаго. Тогда иное было время: козачество было въ славѣ, топтало конями непріятелей, и никто не смѣлъ посмѣяться надъ нимъ. Пѣлъ и веселія пѣсни старецъ и поваживалъ своими очами на народъ, какъ будто зрашій; а пальцы,

съ придѣланнѣми къ нимъ костями, летали, какъ муха, по струнамъ и, казалось, струны сами играли; а кругомъ народъ, старые люди, понуривъ головы, а молодые, поднявъ очи на старца, не смѣли и шептать между собою.

«Постойте», сказалъ старецъ: «я вамъ запою про одно давнее дѣло». Народъ сдвинулся еще тѣснѣе, и слѣпецъ зашѣлъ:

«За нана Степана, князя Седмиградскаго (былъ князь Седмиградскій королемъ и у ляховъ), жило два козака: Иванъ да Петро. Жили они такъ, какъ братъ съ братомъ. «Гляди, Иванъ, все, что ни добудешь—все пополамъ: когда кому веселье, веселье и другому; когда кому горе—горе и обомъ; когда кому добыча—пополамъ добычу; когда кто въ полонъ попадетъ—другой продай все и дай выкупъ, а не то, самъ ступай въ полонъ». И правда, все, что ни доставали козаки, все дѣлили пополамъ: угоняли-ли чужой скоть или коней—все дѣлили пополамъ.

* *
*

«Воевалъ король Степанъ съ турчиномъ. Уже три недѣли воюетъ онъ съ турчиномъ, а все не можетъ его выгнать. А у турчина былъ паша такой, что самъ съ десятью янычарами могъ порубить цѣлый полкъ. Вотъ объявилъ король Степанъ, что если сыщется смѣльчакъ и приведетъ къ нему того пашу живого или мертваго, дастъ ему одному столько жалованья, сколько дастъ на все войско. «Пойдемъ, братъ, ловить пашу!» сказалъ братъ Иванъ Петру. И поѣхали козаки, одинъ въ одну сторону, другой въ другую.

* *
*

«Поймалъ-ли бы еще, или не поймалъ Петро, а уже

Иванъ ведетъ нашу арканомъ за шею къ самому королю «Бравый молодецъ!» сказалъ король Степанъ, и приказалъ выдать ему одному такое жалованье, какое получаетъ все войско; и приказалъ отвести ему земли тамъ, гдѣ онъ задумаетъ себѣ, и дать скота, сколько пожелаетъ. Какъ получилъ Иванъ жалованье отъ короля, въ тотъ же день раздѣлилъ все поровну между собою и Петромъ. Взялъ Петро половину королевскаго жалованья, но не могъ вынести того, что Иванъ получилъ такую честь отъ короля, и затаилъ глубоко на душѣ месть.

* * *

«Ѣхали оба рыцаря на жалованную кородемъ землю, за Карпаты. Посадилъ козакъ Иванъ съ собою на коня своего сына, привязавъ его къ себѣ. Уже настали сумерки—они все ѣдутъ. Младенецъ заснулъ; сталъ дремать и самъ Иванъ. Не дремли, козакъ, по горамъ дороги опасныя!.. Но у козака такой конь, что самъ вездѣ знаетъ дорогу: не споткнется и не оступится. Есть между горами провалъ, въ провалѣ два никто не видалъ; сколько отъ земли до неба, столько до дна того провала. Но надъ самымъ проваломъ дорога—два человѣка еще могутъ проѣхать, а трое ни за что. Сталъ бережно ступать конь съ дремавшимъ козакомъ. Рядомъ ѣхалъ Петро, весь дрожалъ и притаилъ духъ отъ радости. Оглянулся и толкнулъ названнаго брата въ провалъ; и конь съ козакомъ и младенцемъ полетѣлъ въ провалъ.

* * *

«Ухватился, однакожъ, козакъ за сукъ, и одинъ только конь полетѣлъ на дно. Сталъ онъ карабкаться, съ сыномъ за плечами, вверхъ; немного уже не добрался, поднялъ глаза и увидѣлъ, что Петро наставилъ пику, чтобы столкнуть

его назадъ. «Боже ты мой, праведный! лучше-бъ мнѣ не подымать глазъ, чѣмъ видѣть, какъ родной братъ наставляетъ пикку столкнуть меня назадъ!.. Братъ мой милый! коли меня пикой, когда уже мнѣ такъ написано на роду; но возьми сына: чѣмъ безвинный младенецъ виновать, чтобы ему пропасть такою лютою смертию?» Засмѣялся Петро и толкнулъ его пикой, и козакъ съ младенцемъ полетѣлъ на дно. Забралъ себѣ Петро все добро и сталъ жить, какъ паша. Табуновъ ни у кого такихъ не было, какъ у Петра; овецъ и барановъ нигдѣ столько не было. И умеръ Петро.

* *
*

«Какъ умеръ Петро, призвалъ Богъ души обоихъ братьевъ, Петра и Ивана, на судъ. «Великій есть грѣшникъ сей человекъ!» сказалъ Богъ. «Иване! не выберу я ему скоро казни; выбери ты самъ ему казнь!» Долго думалъ Иванъ, вымышляя казнь, и наконецъ сказалъ: «Великую обиду нанесъ мнѣ сей человекъ: предалъ своего брата, какъ Иуда, и лишилъ меня честнаго моего рода и потомства на землѣ. А человекъ безъ честнаго рода и потомства, что хлѣбное сѣмя, кинутое въ землю и пропавшее даромъ въ землѣ. Выходу нѣтъ — никто и не узнаеть, что кинуте было сѣмя.

* *
*

«Сдѣлай же, Боже, такъ, чтобы все потомство его не имѣло на землѣ счастья; чтобы послѣдній въ родѣ былъ такой злодѣй, какого еще и не бывало на свѣтѣ, и отъ каждаго его злодѣйства, чтобы дѣды и прадѣды его не нашли бы покоя въ гробахъ, и, терпя муку, невѣдомую на свѣтѣ, подымались бы изъ могилъ! А Иуда Петро чтобы не въ силахъ былъ подняться, и отъ того терпѣлъ бы

муку еще горшую; и ѣлъ бы, какъ бѣшеный, землю, и корчился бы подъ землею!

* *
*

«И когда придетъ часъ мѣры въ злодѣйствахъ тому человѣку, подыми меня, Боже, изъ того провала на конѣ на самую высокую гору, и пусть прійдетъ онъ ко мнѣ, и брошу я его съ той горы въ самый глубокий провалъ, и всѣ мертвецы, его дѣды и прадѣды, гдѣ бы ни жили при жизни, чтобы всѣ потянулись отъ разныхъ сторонъ земли грызть его за тѣ муки, что онъ наносилъ имъ, и вѣчно бы его грызли, и повеселился бы я, глядя на его муки! А Иуда Петро чтобы не могъ подняться изъ земли, чтобы рвался грызть и себѣ, но грызъ бы самого себя, а кости его росли бы, чѣмъ дальше, больше, чтобы чрезъ то еще сильнѣе становилась его боль. Та мука для него будетъ самая страшная, ибо для человѣка нѣтъ бѣльшей муки, какъ хотѣть отмстить, и не мочь отмстить».

* *
*

«Страшна казнь, тобою выдуманная, человѣче!» сказалъ Богъ. «Пусть будетъ все такъ, какъ ты сказалъ; но и ты сиди вѣчно тамъ на конѣ своемъ, и не будетъ тебѣ царствія небеснаго, покаместъ ты будешь сидѣть тамъ на конѣ своемъ!» И то все такъ сбылось, какъ было сказано: и донынѣ стоитъ на Карпатѣ на конѣ дивный рыцарь, и видитъ, какъ въ бездонномъ провалѣ грызутъ мертвецы мертвеца, и чувствуетъ, какъ лежащій подъ землею мертвецъ растеть, гложеть въ страшныхъ мукахъ свои кости и страшно трясеть всю землю»...

Уже слѣпецъ кончилъ свою пѣсню; уже снова сталь перебирать струны; уже сталь пѣть смѣшныя присказки про Хому и Ерему, про Сткляра Стокозу... но старые и малые все еще не думали очнуться и долго стояли, потупивъ головы, раздумывая о страшномъ, въ старину случившемся, дѣлѣ.

